

Г. ЛОБАНОВА

По дорогам
войны

Р. ЛОБАНОВА

0
41873 -
✓ По дорогам
войны

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. А. С. ПУШКИНА
ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ
Инв. № _____
г. Ленинск Кузнецкий, Кемер. обл.

КЕМЕРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 9 6 5

Журналистка Р. Ф. Лобанова в качестве специального корреспондента газеты «Кузбасс» вместе с экспедицией побывала на местах боев 22-й Рижской гвардейской дивизии сибиряков-добровольцев.

Впечатления от поездки и легли в основу настоящей книги.

Оформление художника Н. Лукина
Фото Д. Нейвирта

Когда-нибудь на тех местах, где мы сегодня
деремся, будут возвышаться памятники и си-
неть курганы. Историки бережно соберут ре-
ликвию. Они найдут и твою потрепанную
карту товарищ, твой залитый кровью партий-
ный билет, мой покойный друг, и скупые жур-
налы боевых действий...

Борис Горбатов

В

дни Великой Отечественной войны с немецко-фашистскими захватчиками Сибирь давала Родине не только уголь и металл, хлеб и оружие, но и беспримерное мужество и отвагу своих сынов и дочерей. Десятки ты-

сяч сибиряков-добровольцев составили грозные воинские соединения, которые наводили трепет на врага.

В летопись боевой славы сибиряков замечательные страницы вписала 22-я Рижская гвардейская дивизия, состоявшая в большинстве своем из кузбассовцев. Дивизия участвовала в сражениях за города Белый, Великие Луки, Локню, Ельню, Смоленск. Тысячу километров по прямой прошла она с боями от Калинина до Риги. Путь к Прибалтике лежал через топи, леса и водные рубежи Лубанской низменности, по которой еще не проходил ни один солдат ни в одну войну. Но сибиряки прошли и вместе с другими частями Советской Армии принесли освобождение от фашистской неволи братскому латвийскому народу.

Со дня великой победы советского народа над гитлеровской Германией прошло двадцать лет. В тех местах, где когда-то сражались сибиряки-гвардейцы, где сложили свои головы тысячи наших земляков-кузбассовцев, из руин и пепла встали возрожденные города и села, кипит полная труда и мира жизнь.

Но на перекрестье дорог, как вечные часовые, стоят бронзовые солдаты; у братских могил возвышаются гранитные обелиски; еще не затянулись рубцы и шрамы земли; еще кровоточат у людей раны сердца, напоминая о том, какой дорогой ценой досталась нам победа.

И тот, кто пройдет сегодня по дорогам войны,— все увидит, услышит и поймет. Он порадуетя и подивится делу рук человеческих, вернувших земле ее красоту, засеявших ее хлебом, убравших ее садами. Но где-то сняв шапку, он молча постоит у безымянной солдатской могилы; с чьей-то матерью разделит ее бездонную скорбь о сыне, убитом на войне; где-то услышит рассказ бывшего узника фашизма и содрогнется, будто сам пережил ужасы лагеря смерти...

И, быть может, никогда — ни прежде, ни потом — не испытает он ни такого наплыва радости, ни такой боли и гнева, как во время этого пути; никогда так остро не ощутит он своей причастности ко всему на свете — к тому, что было, есть и будет на этой земле. И яростно, страстно, клятво-венно захочется ему сделать все, что только в силах сделать человек, для ее мира и счастья.

НЕЛИДОВСКАЯ НАХОДКА

От Москвы до Калинина — три часа езды электричкой. Отсюда двадцать два года назад добровольческие полки Особого Сибирского стрелкового корпуса совершили первый марш под город Белый для выполнения боевого задания командования Калининского и Западного фронтов. Отсюда начинается летопись боевой славы 22-й (150) Рижской гвардейской дивизии.

Калинин — большой, красивый город на Волге, город химиков, строителей и ткачей, — порастил нас своими контрастами. Рядом с новыми кварталами современных зданий здесь не редкость увидеть памятники старинного русского зодчества трехвековой давности. А ведь за несколько месяцев оккупации фашистские варвары нанесли городу неисчислимый и во многом невозполнимый урон. Почти полностью был разрушен Путевой дворец Екатерины II — прекрасное творение Казакова и Росси, истреблены уникальные собрания предметов древнейшей русской культуры. С опасностью для жизни советским патриотам удалось многое уберечь от уничтожения, спрятать от оккупантов. И сейчас в областном музее, занимающем левое крыло восстановленного дворца, мы видим редкие рукописи и другие экспонаты духовной и материальной культуры далеких эпох.

В залах, посвященных Великой Отечественной войне, запомнился один снимок: среди развалин домов в центре города на белом снегу черные кресты с нахлобученными на них немецкими касками. Нам рассказывали, с какой веселой яростью люди освобожденного города выкорчевывали эти фашистские памятники, навсегда очищая свою землю от могильного смрада «завоевателей».

Из Калинина нам нужно попасть в город Белый — один из важнейших пунктов маршрута экспедиции. Но к Белому нет ни железной дороги, ни авиасообщения. Зато есть ежедневные воздушные рейсы на станцию Нелидово. Оттуда до Белого на машине — рукой подать.

И вот под крылом маленького транспортного самолета — знаменитый Нелидовский партизанский край... Леса, леса и леса, перекрещенные желтыми лентами укатанных до твердости цемента дорог

Поражает обилие маленьких круглых озер, которыми словно изрешечена лежащая внизу земля.

— Не озера это, — говорит участник экспедиции Максим Иванович Рыжков, — а воронки от снарядов...

Оказывается, мы пролетали над теми местами, где некогда калининские партизаны одними из первых принимали на себя удары вооруженных до зубов гитлеровских карательных отрядов.

Самолет пересекает линию железной дороги и опускается прямо на поле. До шоссе, с которого ходят автобусы на Нелидово, километра два. Вот, наконец, и шоссе, прямое, как стрела, открытое солнцу и всем ветрам. Долго, задумавшись, стоит на его обочине Рыжков, а потом говорит:

— Ведь это дорога на Белый...

Нетрудно догадаться, о чем думает сейчас бывший помощник начальника штаба стрелкового полка, глядя вдоль дороги.

Мир, покой и тишина разлиты здесь сегодня.

По шоссе идут люди с ведрами и корзинами, от которых струится вкусный грибной и ягодный дух.

Нас обступает несколько человек. Приветливые лица, мягкий, певучий говорок. Но стоит напомнить о войне — будто тень набегаёт на всех. Узнав о цели нашего приезда, уже никто не торопится на автобусы, и они проходят мимо один за другим. Молодые слушают, старые вспоминают. Да, пожалуй, нет здесь человека, в душе которого война не оставила бы свой чёрный след.

— У нас в семье из семнадцати человек осталось двое, — вздыхает старая женщина.

— А у нас немец хату спалил, детей поубивал, — вторит другая.

Уже давно на полях сражений зреют хлеба, на месте развалин выросли новые города и селения. А вот сердце — только тронь его — сочтётся болью. Близко лежит она, эта боль, у людей, переживших дни фашистской неволи. И, может быть, потому в этих краях так отзывчивы, гостеприимны и добры становятся люди, когда речь заходит о тех, кто освобождал эту землю от вражеской оккупации.

— Сибиряки — наши самые защитные люди...

Впервые мы услышали эти слова здесь, на лесном шоссе, под Нелидовым. И стоило нам сказать: «Мы из Сибири», как перед нами открывались не только все двери, но и сердца. Везде и у всех — будь это колхозная бригада на Смоленщине, районный совет или областной комитет партии, а то и просто первые встречные, как вот сейчас в воскресный день на этой автобусной остановке.

Я помню Нелидово затерянным в лесах глухим пристанционным поселком. Теперь это рабочий город на железнодорожной магистрали Москва — Рига, крупный промышленный центр Калининской области. Здесь несколько угольных шахт, большой деревообделочный комбинат, второй по величине в Союзе завод фторопластов, предприятия легкой промышленности. Веселый городок на реке Меже, неожиданный среди этих по-прежнему дре-

мучих лесов. Особенно удивляется ему Максим Иванович, видевший здесь двадцать два года назад непролазную грязь и дым пожарищ.

— Сколько же сделали люди, чтобы на болоте и пепле построить все это! — восклицает он.

Целый день в нашем распоряжении и мы долго ходим по просвеченным солнцем улицам Нелидова. Потом спускаемся к Меже и на противоположном крутом берегу видим пятиметровый монумент, установленный на братской могиле. По узкому деревянному мостику перебираемся на ту сторону реки и по ступенькам, вырубленным прямо в горе, поднимаемся к памятнику. Видно, что тропка эта не зарастает. Шумят на горке, посаженные чьей-то заботливой рукой липы и ясени, сотнями маленьких солнц светят головки «золотого шара».

«Вечная слава героям, павшим в боях за Родину!».

На многих памятниках мы будем потом читать эти слова, обращенные к безымянным героям. На многих братских могилах, у многих дорог увидим этих бронзовых воинов, застывших на своем последнем посту, будто вечные часовые нашего покоя и мира.

К тем цветам, которые кто-то положил на автомат бойца, мы присоединяем и свои, скромные, полевые...

Какой-нибудь транспорт до Белого — вот главная наша просьба к секретарю Нелидовского горкома партии Николаю Григорьевичу Реженкову

— Устроим, — говорит он и берется за телефон.

Пока секретарь договаривается, в кабинет заходит председатель райисполкома Федор Васильевич Савлевич, редактор газеты Шуваев и другие коммунисты.

— Всю Европу прошли, — кивнул головой в их сторону секретарь горкома.

Многие партизанили здесь же в родных местах. Вот хотя бы Иван Ефимович Иванов — комиссар одного из отрядов народных мстителей. Скромный сельский учитель в прошлом, Иван Ефимович проявил незаурядные способности политического руководителя партизанской войны. Есть что вспомнить ему, есть о чем рассказать.

Сто девять дней боролись нелидовские партизаны с фашистскими захватчиками. Лесной заповедник площадью 90 тысяч гектаров был полностью в руках партизан. Не раз партизаны делали налеты на нелидовский гарнизон фашистов. За три месяца отряд вырос в шесть раз. Партизаны мешали немцам восстанавливать дорогу на Ржев, захватывали продовольственные транспорты, оружие.

— В конце концов «завоеватели» боялись до ветру по одному ходить, — смеется Иван Ефимович.

И все-таки гитлеровский гарнизон и численно, и по вооружению намного превосходил силы партизан.

— Многие наши товарищи, — вспоминает Иван Ефимович, — гибли от рук предателей. В центре Нелидова были повешены четыре наших разведчика, выданные полицаем Захаровым. Погиб наш лучший разведчик комсомолец Эдем Заветдинов. Шесть дней фашисты пытали разведчиков, но ничего не добившись, повесили их в центре поселка на тополях. К месту казни они согнали все население. Но и предатель не ушел от народной кары. Партизанский трибунал поручил оперативной группе казнить его, и приговор был приведен в исполнение.

Память о героях-партизанах передается из поколения в поколение.

— Сперва наши дети, а теперь уж наши внуки, проходя мимо тополей, отдают пионерский салют, — говорит Иван Ефимович.

И так будет всегда, если даже эти деревья

отживут свой век и на их месте вырастут новые. Потому что для доброй человеческой памяти нет и не может быть предела во времени.

Ежегодно в Нелидово приезжают ветераны московского завода им. Лихачева, бывшие бойцы и командиры одной из московских дивизий, с которыми бок о бок воевали местные партизаны против фашистов. А вот сибиряков еще не бывало. И всю меру великодушия и гостеприимства нелидовцев по отношению к нашей экспедиции можно определить по такому факту: несмотря на то, что в момент нашего приезда в районе в самом разгаре была уборка урожая, мы на целых двое суток получили в свое распоряжение райкомовский газик...

Прежде чем направиться в Белый, мы побывали в райвоенкомате. И вот здесь нам дали возможность познакомиться с документом, о существовании которого, как выяснилось позднее, не подозревали ни наши историки, занимающиеся периодом Великой Отечественной войны, ни сами ветераны дивизии. Это были книги учета погибших в годы войны и похороненных на территории Бельского района. Два огромных тома, две скорбные книги с дорогими каждому сибиряку именами.

Имя, отчество, фамилия. Год рождения. Военское звание. Время и место гибели...

Коваленко Иван Прохорович. 1920. Старший сержант, 25 ноября 1942 года. Деревня Дмитриевка.

Перевозчиков Алексей Дмитриевич. 1915. Старший лейтенант. 9 декабря 1942 года. Деревня Дубровка.

Белослудцев Сергей Митрофанович. 1913. Старший лейтенант 10 декабря 1942 года. Деревня Дубровка.

Журавлев Иван Павлович. 1918. Старший лейтенант. 9 декабря 1942 года. Деревня Дубровка.

Розенталь Георгий Львович. 1909. Рядовой. 24 декабря 1942 года. Деревня Большое Клемятино.

Нейман Фрума Юдилеевна. 1919. Врач. 8 декабря 1942 года. Деревня Дубровка.

Вицын Борис Александрович. 1919. Младший лейтенант. Декабрь 1942 года. Деревня Дубровка...

Нам хочется каждое имя из этих книг переписать в свои блокноты. Но это, конечно, невозможно. Их несколько тысяч.

ШРАМЫ ЗЕМЛИ

На восходе солнца мы отправляемся в Белый. С шофером Дмитрием Петровичем нас шестеро. А газик-вездеход — пятиместный. Но мы готовы претерпеть любые неудобства, лишь бы не терять времени и ехать дальше, по намеченному маршруту. Каждый старается занять как можно меньше места. И все-таки невероятно тесно!

— Вот уж, где воистину чувствуешь локоть друга, — шутит кто-то.

От Нелидова — до Белого всего 51 километр, но добираемся мы до него не менее трех часов. И виноват в этом... Максим Иванович. Он то и дело просит остановить машину. Да и как не остановиться вот хотя бы здесь, на двенадцатом километре, у старой военной дороги, что пролегла рядом с шоссе и уходит далеко вперед, в темнеющий лес...

Выйдя из машины, Максим Иванович снимает шляпу и несколько минут стоит молча. Вот она — земля, по которой двадцать два года назад в осеннее бездорожье, преодолевая минные поля и лесные завалы, шли сибирские полки на Белый. По сторонам шоссе и сейчас грудой лежат огромные бревна, скрепленные тросами и железными скобами. Это остатки гатей, по которым лишь и могла двигаться военная техника через болота. Между бревнами, не просыхая, стоит зеленая вода. Гати проросли двухметроворостым камышом. Тихо, как-то таинственно здесь, и лишь очевидец боев услышит в этой тишине далекие отзвуки героических дней...

Мы едем дальше. И глаз не оторвать от раздолья, от этих прекрасных и до грусти близких картин природы, которые сменяются перед нами словно кадры киноленты. Но среди всей этой красоты вдруг нет-нет да и мелькнет серая плешина старого пожарища. Будто язва, будто грязное пятно на светлом лице родной земли.

— Была деревня Круг Теперь подале — новая, Федино называется, — поясняет Дмитрий Петрович. — А на старом месте и трава не растет, земля не принимает...

Земля не принимает... Горше не скажешь. Да должно быть и нет горше слов о земле, которая так вот выгорела дотла и у которой не осталось на этом месте ни тепла, ни соков для новой жизни, — ни для малой травинки, ни для дерева...

Чем ближе к Белому, тем чаще попадаются нам оспины воронок, остатки противотанковых рвов, блиндажей и окопов.

Рубцы и шрамы земли...

Но вот уже виден вдали межевой бетонный столб, расписанный черными полосками. На столбе четко выведено: «Белый»

Чем же этот городок, оторванный от железных дорог, окруженный болотами и лесами привлек внимание гитлеровского командования? Почему именно его немцы избрали местом своей долговременной обороны?

Дело в том, что Белый стоит в центре важнейших шоссейных магистралей, ведущих на Ржев, Вязьму и Смоленск. Здесь удобно было сосредоточить военную базу, превратить ее затем в хорошо замаскированный трамплин для нового прыжка на Москву с Ржевско-Вяземского плацдарма.

Этот важный стратегический пункт немцы укрепляли полтора года. Они опоясали город и подступы к нему на глубину в несколько километров рядами колючей проволоки, противотанковыми рвами, врыли в землю сотни железобетонных дотов со стальными колпаками. Оборонительные

работы велись здесь по всем правилам военно-инженерного искусства.

Бельская группировка немцев глубоко вдавалась в расположение Калининского фронта. Дальше на юго-запад стояли 49 пехотных, 14 танковых, 8 моторизованных, 3 охранных дивизии и 3 бригады гитлеровских армий «Центр». Из всех немецких групп армий, действовавших в то время на советско-германском фронте, эта группа была наиболее сильной.

Захватив Белый, гитлеровцы стянули сюда отборные эсесовские части, в том числе дивизии со спесивым названием «Великая Германия».

И вот задача прорвать долговременную оборону противника в районе Белого была возложена командованием фронта на соединения сибирского корпуса..

БЕЛЫЙ

Шестьсот лет стоял он на живописных холмах. Еще и сейчас в его окрестностях немало древних курганов, где лежат кости иноземных захватчиков, посягавших в разные времена на его свободу. В непроходимых болотах, подступающих к городу с юга, когда-то увязли насмерть ливонские рыцари в своих устрашающих доспехах. Ополченцы города брали в полон наполеоновских гренадеров, а бельские ратники прославили себя на Бородинском поле. Бельские мужики ходили с рогатиной не только на медведя, но и на помещиков, поджигали барские усадьбы..

Историки города расскажут вам о том, как по Торопецкому большаку уходили на гражданскую первые коммунисты. Как озверевшие лавочники и прасолы сбрасывали с высокого моста на обшинский лед вожаков Бельской коммуны. Как женщины города, отрывая последнее от своих детей, выкашивали и возвращали к жизни опухших от голода детей Поволжья. И как однажды благост-

ную тишину пасхальной ночи разорвала задорная песня комсомольцев: «Долой, долой буржуев! Долой, долой попов!..»

Здесь никогда не было железной дороги. Но в десять бельских техникумов можно было попасть только по строгому конкурсу, — так был велик наплыв сюда молодежи Калининщины и Смоленщины. Маленький городок большой культуры, таким был Белый до войны.

Но вот что увидел там корреспондент «Комсомольской правды» С. Крушинский в марте 1943 года после фашистской оккупации:

«Ни одного человеческого жилья, ни одного жителя не осталось в Белом после полугодового хозяйничанья немцев... Уничтожено буквально все. Взорваны и сожжены школы... Где садовый питомник?.. Где эти мичуринские яблони и сливы? Где книги, которые собирались на протяжении многих десятилетий? Немцы вымели все... Был город Белый, а стал черным»...

Как ствол поверженного дерева, с которого облетели все листья, пролегла из конца в конец серая булыжная мостовая. Только эта столетняя мостовая, напрочно сработанная неизвестными мастерами, напоминала о том, что когда-то здесь был город.

Вот что пишет старый коммунист Константин Михайлович Степанов в своих воспоминаниях, присланных для этой книги:

«В 6 часов утра 23 июня 1941 года партийная организация города собралась в райкоме, где каждому давалось задание, а через час все разъехались по колхозам для организации ударной помощи фронту

Воинских частей в то время не было. Патрули для охраны города и для борьбы с вражескими лазутчиками создавались из самих жителей. В конце июля жителями был пойман вражеский лазутчик, спустившийся на парашюте на Больничных лугах.

Первый раз город бомбили 15 июля, тогда же стало известно о появлении немецких войск в районе Щучьего озера. Оказалось, что линия фронта уже подошла к самому городу

15 июля коммунисты, комсомольцы и беспартийные рабочие и служащие организовали истребительный отряд для борьбы с вражескими парашютистами. Командиром отряда был назначен начальник районного отдела МВД Кулагин, комиссаром — секретарь райкома Деменок А. И., начальником штаба Немцов И. Б.

В это время начали создаваться базы для партизанских отрядов в селах Ивановка, Понизовье, Никольщина. Были определены явочные квартиры и круг лиц, оставленных для подпольной работы.

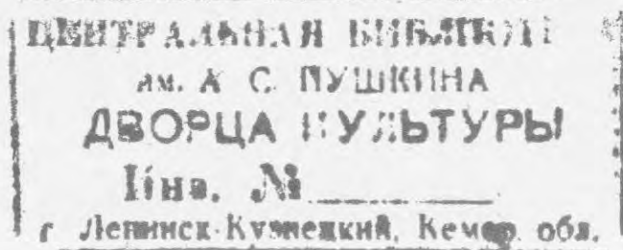
Впоследствии из истребительного отряда, к которому примкнули работники сельских Советов, образовался партизанский отряд с теми же руководителями.

41873
1
Еще враг не вступил на бельскую землю, а отдельные группы партизан по 15—20 человек были отправлены в августе на разведку в район Чигата и Усть-Москальского с целью подготовить данные для последующего рейда Доватора. Части Доватора после кратковременной остановки в Белом лесами прошли для прорыва фронта в район Ломоносова.

4
4 октября 1941 года во время немецкого наступления на Москву город Белый и Бельский район были оккупированы.

Немцы считали Белый важным пунктом и подвергали его до оккупации ожесточенным бомбардировкам. В налетах участвовало по 100 и более самолетов.

О сознательности граждан и их готовности выполнить любое задание говорит такой факт с появлением немцев в районе Щучьего озера началась эвакуация города. В это время на маслозаводе хранилось свыше 70 тонн масла и сыра на сумму

1,2 миллиона рублей. Эвакуировать их партийная организация поручила Потросову И. А. и мне. Из неоккупированных сельских Советов (Чигатский, Демяховский, Медведевский и часть Будинского в это время были уже заняты немцами) по распоряжению райисполкома был собран обоз в полтора-ста повозок. Отгрузка производилась под бомбежкой.

Весь груз в 70 тонн, отправленный без каких-либо документов и расписок, прибыл на ст. Никитинку, а затем в Вязьму и был полностью передан госпиталям.

Эвакуировался районный банк. Создалось положение, когда вырученные от торговли деньги сдавать было некуда. Тогда военное командование и райком партии уполномочили специальных сборщиков выполнять функции банка и его приходной кассы. Этими людьми были: я (в то время заврайфо) и секретарь исполкома Потросов И. А.

Постоянного места жительства у нас не было и деньги в сумме свыше полумиллиона рублей приходилось таскать в вещевых мешках. Это длилось около трех недель, пока не были вызваны представители эвакуированного банка, которым деньги и были сданы.

В день освобождения мы, группа партийного актива, вместе с командованием армии и колхозниками окружающих деревень пришли в город. Он был совершенно мертв. В нем не осталось ни одного человека. Только ветер шумел листьями кровельного железа и поднимал пепел страшного разрушения.

Такие разрушения и пожарища были по всему Бельскому району. Многие деревни совершенно были сметены с лица земли, в том числе такие, как Шайтровщина, Клемятино и многие другие.

Голодные, оборванные, больные тифом люди бродили по пожарищам в поисках обгорелого картофеля.

Более 1000 человек, как установлено и отмечено

но актом, были замучены, расстреляны, сожжены. В деревнях Турово, Цицино и Яр было расстреляно почти все население, не успевшее уйти в лес.

Вот что оставили немцы после себя на нашей земле!

В первые же дни после освобождения района от оккупации небольшая группа партактива, возвратившаяся в Белый, поставила перед собой задачу восстановить повсюду Советскую власть, организовать вновь колхозы, собрать хоть сколько-нибудь сельхозинвентаря и весной начать посевные работы.

Во главе сельсоветов и правлений колхозов в большинстве встали женщины, никогда не бывшие у руководства. Но как организовать сев? Ведь не только тракторов, но и лошадей в районе не осталось. Не было и семян. Пришлось вспомнить лопату и копать землю вручную. Все хотели быстрее ликвидировать разруху, нанесенную врагом!

Государство помогло семенами. Но как доставить их со станции Нелидово? Ведь нет автомашин, нет лошадей, а расстояние до отдельных колхозов 80—90 километров.

Но и эта трудность была преодолена. Десятки тысяч пудов семян и продовольственного зерна были перенесены вручную, на плечах. За семенами шли тысячи людей всех возрастов.

Второй немаловажной задачей было похоронить советских воинов, павших за освобождение Бельского района, очистить нашу землю от огромного количества вражеских трупов. Все население работало не покладая рук. Изможденные люди готовы были все сделать, чтобы скорее вернуться к мирному труду.

Город был мертв, негде было разместить людей, учреждения и предприятия, не было бани, больницы. Многие семьи поселились в землянках, оставшихся от войны. Тогда колхозники каждого сельсовета решили построить для города по одному-два дома.

Восстановительная работа в городе началась как всенародная стройка. Уже летом 1943 года стояли первые новые дома, куда были переселены особо нуждающиеся. К осени горожанами была построена баня, началось строительство больницы, лес на которую возили вручную, на санях, за шесть километров. К осени 1943 года была восстановлена 10-летняя школа, и ребята города в первый раз после начала войны сели за парты.

Так началось восстановление старинного русского города, разоренного и ограбленного немецкими оккупантами. Бельчане показали себя настоящими патриотами. Еще шла война, и они строили военные дороги и различные военные сооружения, оказывали большую помощь фронту и партизанам продовольствием и одеждой...»

Продолжение этого рассказа — в трудовой жизни поднятого из пепла старинного русского города.

И когда сегодня с городского вала смотришь на панораму нового города, не можешь не восхищаться делом рук человеческих. Так же, как и прежде, во главе Большой Советской улицы стоит четырехэтажное здание средней школы. На старом месте расположилась библиотека. От главного ствола мостовой снова протянулись ветви-улицы. И то, что в городе многое восстанавливается «как было», так это вроде вызова тем, кто его разрушил: вы, мол, хотели сжечь нас на своем фашистском костре, — так нет же, не вышло. Из пепла подняли мы свой город Белый, и сделаем его белее прежнего!

Местные краеведы, возглавляемые Валентиной Константиновной Ильиной, раздобыли где-то довоенные фотографии Белого и показали их председателю городского Совета Сергею Ивановичу Минину Хорошо бы снова через Общу перекинуть вот такой же красавец-мост, хорошо бы соорудить Дом культуры, а на Большой Советской поставить многоэтажные дома, благоустроить городской вал — традиционное место гулянья молодежи...

— Многое надо нашему городу, хоть и многое делается, — говорит Сергей Иванович. — Мы ведь еще и воевать не перестали...

— Как воевать?!

— За три дня до вашего приезда здесь, в реке Обше, в центре города тринадцатилетний мальчик на mine подорвался. Купался и подорвался...

Подорвался! Холодно становится в жаркий августовский день от этого слова.

Давно закончилась война. Но эхо ее нет-нет, да и прокатится по здешней земле. Нам вспомнилось промелькнувшее на днях сообщение в газетах о том, что в Калининской области саперы обезвредили тысячи вражеских бомб, мин и снарядов в районах бывших военных действий. А сколько их еще осталось, этих фашистских «гостинцев»!

«Задача выявления и уничтожения оставшихся от войны старых боеприпасов не сходит с повестки дня в районах бывших военных действий, — писала «Правда» 17 мая 1964 года. — Принимаются все меры к тому, чтобы убереечь людей от страшной случайности, предостеречь их, особенно детей, от зловещих находок».

В Нелидове, в Белом на стенах зданий мы видели обращенные к детям плакаты с тревожными, предостерегающими словами: «Не трогай, взорвется!» «Ребята, помните! Много лет прошло со дня окончания Великой Отечественной войны. Но в районах бывших боев на нашей родной земле немецко-фашистские захватчики при отступлении и под ударами Советской Армии оставили опасные для жизни ловушки и «сюрпризы» — неразорвавшиеся снаряды, авиабомбы, противотанковые мины, ручные гранаты. Будьте осторожны!».

ВЫСОТА 212

Большак... Так называют в этих местах главные тракты, соединяющие города друг с другом. Нелидовский большак, Торопецкий, Смоленский...

Белый стоит во главе этих дорог, словно у излучин больших рек.

С северо-востока к нему подступает Бельская возвышенность, с запада — Западно-Двинская низина со своими вековыми лесами и непроходимыми болотами.

Сейчас мы едем на юг, по Смоленскому большаку, в деревню Сверкуны, которая двадцать два года назад была местом первых наступательных боев сибирских полков на немецкую оборону.

По обеим сторонам большака показались справные дома колхозников. Как правило, — это пятистенки, крытые тесом, с застекленными верандами, с наличниками, изукрашенными затейливой деревянной резьбой. Сверкуны, как и большинство подбельских деревень и сел, отстроены заново. А есть деревни, где и до сих пор, как вышло из войны по пятку дворов, так и осталось. С таких мест люди рано или поздно снимаются и вместе с домами постепенно перебираются в более населенные пункты.

Но Сверкуны живут. Стоит деревня на большаке, на открытом веселом бугре, и никто мимо нее не пройдет и не проедет незамеченным.

Стоило нашей машине остановиться в центре деревни, как со всех сторон набежали ребятишки. Которые постарше, те, ни слова не говоря, вскочили на свои велосипеды — и айда разносить новость по полям и фермам: «Сибиряки приехали!» На деревенской улице собрался целый сход.

— Родные вы наши, — обнимая фронтовиков, запричитали женщины.

Объятия, слезы, улыбки, воспоминания...

Здесь, на этой улице, был фронт.

— Вон, видите, — махнула загорелой рукой в сторону дороги одна из колхозниц — Наталья Павловна Новоселова, — оттуда немецкие пушки били, а в этой ровчинке и раненых и убитых...

Голос ее задрожал. Сдернула с себя белый платок, уткнулась в него лицом.

— Ох, маму мою осколком убило...

— Те страшные минуты нашей жизни никогда не забудем, — вставила слово Наталья Лаврентьевна Прокопнева. — Немцы не разбирались — взрослый или ребенок — никого не щадили. Когда стали мальчиков постарше в Германию угонять, мой братик Саша схватился руками за дверь, а немец так его пихнул, что и зубки все выбил. А тебе, Александра, сколь тогда было? — обратилась она к молодой женщине, стоявшей поодаль.

— Двенадцать.

— Вот! Она бежать, а он ей в ногу разрывной пулей стрельнул. Такая теперь красавица, а нога покалеченная...

Все повернулись к Александре Егоровне Кораблевой. Она смутилась, руки под рабочий фартук спрятала.

Но тут вниманием завладела другая Кораблева — Федосья Петровна. Ей — «без одного семьдесят», как она сама пояснила.

— Когда бой начался, нас Гитлер в Шамилово стал отгонять. Гонит и гонит. А мы — одни бабы да дети. Ну что ему за корысть в нас, думаем? А потом, когда нас на горке поставил строем, тогда и догадались: живым заслоном, значит, от наших войск отгородился. Кровью плачем, а стоим под смертными пулями. Часа два так стояли, пока наши обошли немца с другой стороны. Вот, дорогие сибиряцкие женщины, какая нам судьбина выпала. Бывало, день минуешь — год живешь!

Хорошо запомнились Сверкуны и сибирякам.

— Здесь находилась высота 212, — вспоминает Максим Иванович Рыжков.

— Где же высота? — удивленно оглядываемся мы.

— Вот этот взгорочек, где мы стоим сейчас, и есть высота.

Да, невзрачный горбылек на деревенской улице встал тогда высотой перед стрелковым полком.

Пройдя несколько десятков метров, Максим Иванович среди выросших за эти годы кустов и деревьев показал нам остатки наблюдательного пункта, который находился под самым носом у немцев.

Вот стрелковые ячейки, небольшие окопчики. Когда-то отсюда хорошо просматривалась вся деревня. А теперь впереди шумит молодой лес.

Первый удар по гитлеровской обороне под Белым был нанесен именно отсюда. Здесь, вот на этом самом месте, где мы сейчас стоим, лежали на снегу наши кузбассовцы в белых маскхалатах, ожидая сигнала к штурму неприступной, по мнению немцев, Бельской твердыни. И сейчас нельзя без волнения читать скупые записи в журнале боевых действий дивизии, сделанные аккуратным штабистом той далекой ноябрьской ночью:

«Ночь с 24 на 25. Командованием дивизии даны последние указания командирам частей и подразделений, уточнены задачи по предстоящему наступлению. Телеграммой штарма время наступления назначено в 8.30, начало атаки — в 10.00».

Следующая за этой записью гласит:

«25.11.42. Ровно в 8.30 25.11 с. г началась арт-подготовка. На укрепление врага обрушился шквал огня, который продолжался в течение полутора часов...»

Вряд ли мы узнаем когда-нибудь имя этого первого летописца боевой истории дивизии. Но зато хорошо можно себе представить чувства, которые овладели им при первых звуках артиллерийской канонады.

«...Воздух содрогается от залпов артиллерии. Канонада усиливается каждую минуту. Стоит непрерывный грохот орудий всех калибров. А их сотни. Пришел час! И в ход пущены РС* — какое впечатление!»

Ровно в десять ноль-ноль, как и было приказа-

* РС — реактивные снаряды.

но командованием, с криками «ура», слившимся с грозным гулом орудий, поднялась пехота.

Смертельный кинжальный огонь из железобетонных дотов встал на пути штурмовых подразделений. Кроме того, перед атакующими оказалось проволочное заграждение, в котором танки не успели сделать проходов. Кто-то упал, чтобы никогда уже больше не встать. Кто-то остановился, ошеломленный первым препятствием.

Чем исчисляется в бою время победы или поражения? Минутами, секундами, мгновением? Вряд ли об этом думал тогда политрук пулеметной роты Сергей Иванович Якимов. Но сердцем коммуниста он почувал, что настал момент, который решает исход атаки. И тогда он поднял своих пулеметчиков на подмогу автоматчикам. И уже ни огонь дотов, ни колючая проволока не могли остановить сибиряков. Они ворвались в блиндажи и схватились с врагом врукопашную.

А в это время, правее Сверкунов, штурмовали деревню Большое Клемятино стрелковые батальоны другого сибирского полка. И здесь в решающую минуту нашелся свой Якимов. Коммунист Пузиков личным примером увлек бойцов в атаку на вражеские укрепления и обеспечил продвижение вперед других подразделений.

В те же минуты общего штурма командир 2-го стрелкового батальона 674-го стрелкового полка Сергеев трижды водил бойцов в атаку на деревню Симоновку, трижды был ранен, но не оставил поля боя до тех пор, пока батальон не овладел деревней.

К исходу первых четырех часов сибиряки заняли три населенных пункта, успешно выполнив первоначальную задачу операции. 28 ноября, когда стрелковый полк, выдвинувшись по направлению к Белому на 20 километров, оседлал шоссе Белый — Смоленск, Бельская группировка противника оказалась отрезанной от своей основной базы.

Немцы стали спешно вводить в бой резервы — танковые дивизии, дивизии «СС», егерские батальоны и авиадесантные дивизии.

Ценою многих жизней сибиряков достались первые пяди бельской земли. И мне вспомнилась еще одна запись из Нелидовской книги.

Фамилия, имя, отчество: *Якимов Сергей Иванович.*

Год рождения: 1903.

Звание: *старший лейтенант*

Время гибели: *26 ноября 1942 года.*

Место гибели: *деревня Сверкучны.*

Много было героических атак за двадцать два дня боев под Белым. Но эти первые, принесшие первые победы, первые жертвы и первых героев, войдут в историю дивизии особо памятными страницами.

ЖИВЕТ В ДЕРЕВНЕ ЛЕГЕНДА

Кто знает, сколько веков назад прилипло к этой деревне зловещее название «Черепы». Может быть, еще со времен литовского владычества или опустошительных походов хана Батыя?

Кто знает! Рассказывают, что в давние-давние времена на этом месте бывали великие битвы. Грудами лежали тела погибших ратников. Проходили годы. Тела превращались в тлен. А люди все говорили по привычке: «Там, у черепов...»

После фашистской оккупации в деревне Черепы из двух десятков дворов остался один. Да еще вот этот сарай, прошитый пулями и осколками гранат. Здесь мы и услышали легенду о некоем Петьке-сибиряке, отчаянном парне, который один вступил в бой против двенадцати фашистов, засевших в сарае.

— Подобрался Петька к сараю ползком, — рассказывает Александр Яковлевич Ковалев, — постучал ложем карабина в дверь, а оттуда — автоматная дробь. Тогда Петька р-раз, дверь

настежь, а сам за косяк схоронился. Потом руку с автоматом просунул и дал рассыпную очередь. Немцы опять стреляют. Но Петька их с мушки не спускает и до тех пор их в сарае продержал, пока наши танки не загудели. Поняли тогда немцы, что не отсидеться им в сарае. Стали по одному выходить. Одиннадцать вышло, а двенадцатый ни в какую. Только Петька хотел в дверь, как фашист пальнул в него. Тут все деревенские закричали, что пусть Петька не рискует своей головой, что лучше спалить фашиста вместе с сараем, если он сдаваться не хочет. Тогда танкисты подтолкнули к сараю одного пленного иди, мол, объясни, что полный капут.

Фашист, который засел в сарае пропустил своего. А через несколько минут сам вышел. Офицером ихним оказался. Вышел вроде бы сдаваться, а сам на Петьку бросился с ножом. Тут даже пленные не стерпели, скрутили своего офицера и хотели его под танк бросить. С тех пор все у нас Петьку-сибиряка помнят, а вот фамилии никто не знает...

Не о тебе ли эта легенда, Петр Серезжкин, что родом из Новокузнецка? А было так...

В момент атаки за эту деревню погиб командир батареи Кудрявцев. Тогда младший лейтенант Петр Филиппович Серезжкин принял командование на себя. Умело отражая контратаки врага, батарея 76-миллиметровых пушек 674-го стрелкового полка под командованием Серезжкина разрушила несколько дзотов и блиндажей, а лично Петр Филиппович подбил и уничтожил четыре танка.

Людская молва сохранила память о подвигах славного артиллериста и в боях под деревнями Шевлино, Дубинино, Огибалово. Но о судьбе отважного сибиряка мы узнали из реляции командира дивизии: «Погиб под городом Белым».

На окраине деревни — девять братских могил неизвестных советских воинов. Кто лежит в них? Может быть, герои вот этого боя?

...В районе деревни Черепы две батареи 328-го артиллерийского полка, приданного дивизии сибиряков-добровольцев, попали в окружение, и, как гласят воинские документы, «бились до последнего вздоха».

На батарею, которой командовал коммунист старший лейтенант И. А. Жердев, немцы двинули 16 танков и до батальона пехоты. Артиллеристы, экономя снаряды, подпустили танки на близкое расстояние и били по ним прямой наводкой. Тогда враг обрушил на батарею термитные снаряды и вывел из строя почти все орудия и личный состав. К последнему, уже горевшему орудию, бросился раненый комбат Жердев. Он потушил огонь и продолжал бить по танкам и пехоте противника, пока его самого не настигла смерть.

Второй батареей командовал лейтенант Коваленко. Четыре часа сдерживала батарея батальон немецкой пехоты и четыре танка. Все танки врага были подожжены, а четыреста гитлеровцев убито.

Когда немцы были у самой батареи, Коваленко последний патрон оставил для себя...

А может быть, здесь лежит прах капитана Шинкарева, который под огнем минометных батарей противника мастерски провел бой на подступах к этой деревне? Капитан лично из трофейной винтовки расстрелял минометный расчет гитлеровцев. Воодушевляя бойцов своим примером, командир добился того, что его батальон выбил немцев из железобетонных дотов, захватил корпусную батарею противника и много военного снаряжения. Враг панически бежал. В этом бою капитан Шинкарев погиб, как герой.

...Молчат могилы на краю деревни. Ни памятного знака, ни слова о тех, чей прах покоится в них. Только сухая трава шелестит на ветру. Все больше и больше врастают холмики в землю, и вот-вот растворятся они с примыкающим к деревне полем, и тогда не останется от них никакого следа...

Но этого допустить нельзя!

Многое сделали трудящиеся Бельского района для увековечения памяти павших в боях за Родину в крупных селениях, таких, как Ковельщино, Верховье, Егорье, Заболотье, Демяхи, Понизовье и в самом городе Белом братские могилы свято охраняются населением, на них установлены памятники.

Верится, что и в этой деревне, где пролилась кровь сибиряков, тоже будет воздвигнут памятник и на нем напишут люди имена героев борьбы с фашистскими оккупантами. Может быть, и сама деревня захочет взять себе одно из этих имен взамен своего старого...

Где бы ни появилась экспедиция, везде ей сопутствовали сердечные встречи. Прямо в поле или посреди деревенской улицы завязывался горячий разговор, начинались рассказы, воспоминания, трогающие своей задушевностью и искренностью.

Все тут услышишь — и шутку, и меткое словцо, и печальную повесть чьей-нибудь жизни, смятой войной.

Вот и сейчас на колхозном току в Клемятино остановили люди льномолотилку, окружили нас и при первых же словах о сибиряках, о войне слышались взгласы удивления. И вот женщины обнимают нас, вот уже кто-то кончиком косынки вытирает себе глаза...

— Кто не видел, тот не знает, что нам тут в войну досталось, — певуче начала Феона Ефимовна Киселева. — Мужики наши на фронте воевали, а и мы не по тылам прохлаждались. Так, я бабы рассказываю?

— Так, так, — закивали согласно женщины.

Стоят кружком, — перешептываются, у одних — любопытство в глазах, иные смотрят печально.

— Вон, где наша картошка посажена — там самая боевая линия проходила. Верно говорю?

— Верно, верно, — вместе со вздохом вырывается у колхозниц.

— Расскажи еще, Феня, как в то лето после войны детки на минах подорвались...

— Что рассказывать! Вон мать тех детей.

Феня указала на высокую худощавую женщину, лет пятидесяти, повязанную темным платком по самые брови. Испуганно вскинув на нас карие глаза, она тут же опустила их и застыла словно каменная.

— Муж ее старостой у немцев служил, — крикнул кто-то.

Женщина качнулась, как от удара и еще ниже опустила голову.

Шелест прошел по толпе.

— Ну и что ж, — вскипела Феня, — она за мужа не виноватая. Он свое получил... А она детей лишилась...

— Правда, правда, — зашумели все, подвинулись ближе к женщине в темном платке. А та, словно очнувшись, посмотрела на всех заблестевшими глазами открыто и благодарно. И нечтрощенная народом вина ее мужа осталась как бы по ту сторону невидимой черты, а она со своим материнским горем — по эту, с людьми, которые и сами познали беду, и были свидетелями той ее страшной расплаты.

...Среди зеленой травы на лугу за деревней заметили ребяташки невесть откуда взявшееся стадо белых гусей.

— Гуси, гуси! Айда скорей!...

Но не гуси это были. Еще зимой фашисты, маскируя мины под снег, покрасили их известкой, и летом на зеленой траве показались они детскому воображению безобидными белыми птицами. И тогда случилось непоправимое...

Коля Аверченко...

- Семилетки Агафьи Катаевой...
- Двое Исаевых...
- Сынок Дуни Савеловой...

Таким было здесь первое лето после войны. И это поминание погибших детей прозвучало как вечное обвинение черному делу фашистских захватчиков.

— А когда у Татьяны Савеловой немцы дочку расстреляли, думали — ума решится. И по сю пору маткина душа об Оле плачет. Вон изобка ее через дорогу...

Нам захотелось повидаться с матерью Оли. Татьяна Яковлевна усадила нас на широкие лавки под окнами и поведала историю гибели своей дочери.

Двое детей, «два зернышка» были у нее, когда в село пришли враги. Сын Василий двенадцати лет и дочь Оля — семнадцати. Вот она, какая была. Оля. Мать сняла со стены застекленную рамку с фотографиями и показала Олину карточку простое, милое своей молодостью девичье лицо...

— Послали немцы моего Васю и его двоюродного братишку Григория Рубинкова в лес за дровами. А они взяли да и угнали лошадь к партизанам, и сами там остались. На ту пору я отлучилась из дома, а Оля была у моего брата в соседней деревне Быково.

Когда немцы пришли с розыском, одна наша деревенская указала им, где находится Оля. Пришли немцы к моему брату в дом, а Оля полы моет. Домыть не дали, сказали: «Собирайся». Она спросила — далеко ли идти и нужно ли брать хлеба? А немцы засмеялись и сказали: «Скоро вернешься». Когда вывели ее на улицу, она увидела, что еще одна девушка — Семена Шевлинского дочка — и три парня, под конвоем взятые. Завели их всех за деревню Шамилово и расстреляли. Они долго лежали там. А когда похоронили, я на том месте гребенку Олину нашла. Только и осталось от моей доченьки — гребенка... Вася потом прихо-

дил тайно домой из партизанского отряда, все грозился, что убьет ту женщину, которая Олю выдала. А я отговорила: «Олю, сынок, не вернешь, а у той змеи двое деток».

Пока мы разговаривали с Татьяной Яковлевной, зашла ее внучка, дочь Василия, ставшего сейчас колхозным электриком. Девочку в память погибшей сестры Василий назвал Олей. Вскоре забежал на минутку и сам Василий. Рассказал, что одиннадцать месяцев партизанил в отряде Чернышева, офицера Советской Армии, попавшего в окружение. Был разведчиком, в диверсиях участвовал.

— А теперь, извините, — говорит Василий, — некогда. У нас сегодня исключительный день — свет к Емельяновке подключаем...

Последняя деревня, где еще не было электричества.

ГОВОРИТ ФРОНТ!

На хорошем красивом месте стоишь ты, русская деревня Клемятино. Твои улицы, будто и не было войны, вновь кудрявятся ракетами и березами. Весело взбежали на придорожный гребень твои добротные дома. Взбежали и остановились, словно в изумлении перед открывшимся раздольем. А внизу лежит муравистая долина. Желтой лентой струится по ней узкая тропинка. Вот обожала она черемушный куст, нырнула в овражек, попетляла по нему и опять понеслась напрямую, до самой деревни Шайтровщины.

Мирно пасутся лошади у ручья, лениво текущего на дне долины. И не верится, что когда-то это красивое, светлое место называлось «Долиной смерти».

Сегодня о кровопролитной битве, бывшей здесь двадцать два года назад, напоминает лишь застрявший на развилке дорог вражеский железобетонный дот

Сверкуны, Симоновка, Дубровка, Цицино, Клемятино, Шайтровщина... Каждая деревня под городом Белым — это живой свидетель славных ратных подвигов сибиряков, которые шли на штурм гитлеровской обороны, не давая передышки ни себе, ни врагу

Даже предельно лаконичные записи в журнале боевых действий дают возможность представить себе необычайную силу натиска сибирских полков, мужество, самоотверженный героизм бойцов и командиров, их отчаянную решимость, во что бы то ни стало выполнить задачу прорыва, поставленную перед ними командованием фронта.

Вот документы, представляющие тем большую ценность, что в них запечатлены не обнародованные до сих пор имена многих и многих героев, дана обстановка, в которой проходили отдельные операции, передано невероятное напряжение фронтовых дней. Итак: говорит фронт!

25 ноября 1942 года. Командир второго стрелкового батальона 674-го стрелкового полка Сергеев при взятии деревни Симоновка личным примером поднял бойцов, придавленных к земле минометным огнем, повел их в атаку, овладел деревней, при этом был трижды ранен.

При взятии Симоновки особенно отличился командир 5-й роты лейтенант Ащеулов, который был дважды ранен, но не покинул поля боя до конца выполнения задачи. Его рота первой ворвалась в Симоновку

Командир взвода связи 1-го стрелкового батальона 469-го стрелкового полка младший лейтенант Вульфин обеспечил во время наступления в районе деревни Огибалово непрерывную связь, сам лично под ружейно-пулеметным огнем тянул линию связи протяжением 15 километров, ни на шаг не отставая от наступающего батальона.

27 ноября. После минометного обстрела и бомбардировки авиацией деревни Симоновка, немцы

перешли в контратаку, потеснили батальон и ворвались в деревню на четырех танках, угрожая командному пункту 674-го стрелкового полка. Начальник артиллерии подполковник Сухин, помощник начальника политотдела капитан Морозов, агитатор политотдела майор Зубов, начальник клуба старший лейтенант Карлов остановили отступающих бойцов, привели их в порядок и с помощью артогня контратаковали немцев, выбили их из Симоновки. Вторая батарея под руководством Фороста подбила два танка. Форост лично водил в атаку роту ПТР*

В это время 5-я батарея 328-го артиллерийского полка в течение двух-трех часов вела бой с 23 танками и батальоном пехоты немцев. Наши орудия стреляли прямой наводкой. В этом бою отличился младший лейтенант Шабанов, лично подбивший один танк. В результате боя противник был рассеян и частью уничтожен.

На Дубровку наступало 17 танков с автоматчиками. 3-я батарея под командованием Аксентьева подбила три танка. Сам Аксентьев был тяжело ранен и умер. Расчет командира орудия Казакова с первого выстрела подбил танк. Огнем танка орудие Казакова было разбито, сам Казаков ранен, а расчет убит. Пятый танк поджег наводчик орудия Самсонов, три танка поджег командир 3-го орудия Голандин. Остальные немецкие танки не выдержали и повернули обратно.

Многочасовой бой с немецкими автоматчиками при наступлении на деревни Полухино и Хирево выдержали первая и третья роты 469-го стрелкового полка под командованием капитана Пономаренко. Метель. Многие станковые пулеметы и автоматы вышли из строя. Пономаренко лично поднимал роты в атаку. Из автомата, взятого у ординарца, Пономаренко лично уничтожил не-

* ПТР — противотанковые ружья.

сколько немецких автоматчиков. В этом бою Пономаренко ранен.

29 ноября. Всего в этот день дивизия должна атаковать немцев в 20 населенных пунктах. Частный боевой приказ: ни шагу назад!

Весь день и ночь на 30 ноября продолжались ожесточенные бои. Противник ведет ураганный огонь по наступающим частям, не давая продвигаться вперед. Части несут большие потери.

Самоотверженно вел себя в боях красноармеец 5-й роты 674-го стрелкового полка Чуркин Г. Ф. Будучи дважды ранен, не оставил поля боя, а в течение двух часов продолжал драться, и только после третьего ранения был эвакуирован.

В роте автоматчиков 856-го стрелкового полка, которой командует Подоляк, бойцы действуют мужественно и смело. Сам Подоляк награжден медалью «За отвагу». Сержант этой роты Новиков в одном бою уничтожил 20 гитлеровцев и вместе со своим отделением захватил немецкий дзот.

30 ноября. В результате неудачного залпа РС, накрывшего своим огнем подразделения 674-го стрелкового полка, противник перешел в контратаку и оттеснил подразделение 674-го стрелкового полка.

1 декабря. Дана задача. 150-й стрелковой дивизии нанести удар противнику, наступая на Батуринский узел сопротивления с востока, с целью изоляции его от Бельского узла сопротивления.

5 декабря. При отражении контратаки противника в районе Парнево мужественно вел себя командир третьего стрелкового батальона 469-го стрелкового полка Демидов и агитатор полка Белослудцев, которые под ураганным огнем организовали бойцов и отразили контратаку Белослудцев лично истребил более 30 гитлеровцев. Белослудцев пал смертью героя.

8 декабря. Пять часов авиация противника бомбит наши части. В налете участвовало 14 «хейнкелей» и «мессеров». Отмечены случаи, когда са-

молеты имели опознавательные знаки в виде красных звезд и бомбили наши боевые порядки.

В результате бомбежки погиб начальник штаба 856-го стрелкового полка капитан Пастушенко и заместитель командира полка подполковник Савельев.

По данным разведки, высланной ночью, установлено, что в районе деревень Дубровка и Черепы находится до 400 солдат и 8 танков противника.

8 декабря. Авиация противника совершила пять налетов. 31 самолет бомбил деревни Малое и Большое Клемятино, Дубровку, Симоновку. Несколько танков противника с автоматчиками ворвались в Дубровку и не дали возможности отойти связистам. Части командиров, связистов и бойцов удалось вырваться и вернуться к себе, часть связистов, в том числе и старший лейтенант Мотыженко были расстреляны немцами. Радист Новиков за все время боев показал образцы мужества и отваги, бесперебойно обеспечивал связь по радио. При захвате немцами Дубровки Новиков последним вышел оттуда, принес рацию и раненого радиста Лямкина. Новиков представлен к правительственной награде.

...Здесь я вновь хочу вернуть читателя к нашей нелидовской находке, хочу напомнить лишь одну ее строку: «Журавлев Иван Павлович. 19.18. Старший лейтенант, 9 декабря 1942 года. Деревня Дубровка»...

20 лет назад командир 22-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии полковник Панишев и начальник политотдела дивизии гвардии подполковник Ширяев подписали реляцию об увековечении памяти сибиряков, погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Рядом с именем гвардии рядового Александра Матросова поставлено имя гвардии старшего лейтенанта Ивана Павловича Журавлева, командира роты автоматчиков.

Кто же он, чем заслужил такую честь 23-летний офицер? Отрывочны, скупы сведения об Иване Журавлеве.

...Деревня Дубровка под городом Белым зимой 1942 года была одним из важнейших и наиболее укрепленных пунктов немецкой обороны. Она прикрывала подступы к шоссе Белый—Вязьма. Деревня была взята в кольцо дотов с железобетонными колпаками. Несколько рядов колючей проволоки и минные поля преграждали к ней путь. Да и расположена она была на возвышенности, откуда местность просматривалась на несколько километров вокруг.

Пожалуй, за все бои под Белым не было населенного пункта, взятие которого досталось бы дивизии сибиряков-добровольцев с таким трудом и такой дорогой ценой, как Дубровка.

Дубровка несколько раз переходила из рук в руки. В один из дней в течение трех часов 5-я батарея 328-го артиллерийского полка, приданного дивизии, вела непрерывный огонь по немецким укреплениям. Против батареи немцы выслали 23 танка. О том значении, какое гитлеровцы придавали Дубровке, говорит и такой факт: на окраине деревни оказались танки, вкопанные в землю. Это был заслон фашистских смертников, ставивших на карту свою жизнь в боях за этот рубеж.

Вот в обход 5-й батареи младшего лейтенанта Шабанова пошли семь вражеских танков. Подпустив их на самое возможно-близкое расстояние, наши артиллеристы стали бить по танкам прямой наводкой. Одну машину лично подбил командир. Другие танки отступили.

В дошедшем до нас дневнике этого жестокого боя сохранились имена тех, кто противопоставил гитлеровской технике свое бесстрашие и воинское мастерство. Это командир орудия Казаков, который, несмотря на ранение, не оставил своего поста. Это наводчик Самсонов, командир орудия Голандин, поджегший три вражеских танка. Днев-

ник боевых действий воссоздает напряженную обстановку тех далеких дней.

9 декабря авиация противника пять раз бомбила наши соединения. Под прикрытием бомбардировщиков танки противника вновь ворвались в деревню.

Взять Дубровку! Отбить Дубровку! — эти слова то и дело встречаем мы в боевых приказах по дивизии. Не раз батальоны сибиряков ходили здесь в атаку и отступали под кинжальным огнем противника. Бывали моменты, когда, подойдя к Дубровке, бойцы вынуждены были залечь в обороне, выжидая подходящего для атаки момента.

Уже соседние полки успешно атаковали деревни Черепы, Большое и Малое Клемятино и лишь эта юго-восточная точка фронта словно заноза вонзилась в живое тело дивизии, сдерживая наступление, отвлекая значительные технические и людские силы сибирских полков.

И вот декабрьская ночь перед последним наступлением на Дубровку. Кто расскажет о думах бойцов этой ночью, о письмах, написанных «на всякий случай», о той пуржистой темной мгле, что навсегда закрыла для кого-то из них звезды? Что расскажет о них лаконичная запись дивизионного дневника? Чье сердце сожмется от неумолимо-достоверных слов: «Погиб смертью храбрых».

Уже в Кемерове, после окончания поездки, я встретила с человеком, который был другом Ивана Журавлева.

Передо мной сидит еще молодая, красивая, несмотря на шрам, пересекающий нижнюю часть лица, женщина — Крелия Ивановна Воробьева (Силина).

— Перед боем Ваня пришел в нашу санроту... Бывает так... Встретишь человека, перекинешься словом, и будто знал ты его всю жизнь. Так и у нас было с ним. В полку все шутили: когда рапорт будете подавать на свадьбу?

В ту ночь долго мы с ним ходили, несмотря на пургу. То он меня проводит, то я его. И все говорили, наговориться не могли. Отогревая руки мои в своих, мечтал Иван о том, как после войны надену я белое платье, как пойдём мы с ним по улице и все будут оглядываться на нас и восхищаться: «Ну что за пара!».

Красив был Иван Журавлев, командир автоматчиков. Ростом высок, кудряв. Веселые, озорные глаза всегда смеялись. Ходил так, словно вот-вот в присядку пустится. И лишь с Крелией, всем полком признанной невестой своей, был застенчив и робок.

— Бой будет жестоким, а моя рота на прорыве. Что бы ни случилось, знай...

— Но ведь я буду рядом с тобой...

Влажно блеснули глаза женщины. Уже за плечами большая жизнь, семья, дети, работа ученого. Но воспоминания о той декабрьской ночи и о том, что случилось потом, не изгладят и десять жизней.

...Решающий штурм Дубровки начался на рассвете. Дело открыли артиллеристы. Потом под прикрытием танкового огня пошла пехота, выковыривая гитлеровцев из блиндажей и укрытий. В грохоте взрывов, в дыму и пурге все смешалось, закрутилось... Вот уже первые избы деревни. Но наступающие, не успев закрепиться, откатываются назад. И так несколько раз. Казалось, иссякнут силы, вот-вот упадет ярость натиска. И тогда Иван Журавлев, вскочив на танк, увлек за собой всю роту автоматчиков. Так на танках, на всем ходу они врезались в деревню, подминая под гусеницы опешивших гитлеровцев, и те, отстреливаясь на ходу, панически бежали, побросав всю технику боеприпасы, раненых.

Этот смелый рывок решил исход боя. Дубровка была взята окончательно.

Санитарная рота, следовала за автоматчиками. Кто-то крикнул Крелии:

— Скорей. Иван там, в избе..

Страшная рана в животе, серое запрокинутое лицо — все это мгновенно обняла она своим взглядом. Он умер у нее на руках, не приходя в сознание.

У могилы Ивана Журавлева Крелия приняла от командира части его автомат. На другой день тоже был бой и она шла в первой цепи, среди его друзей. Из его автомата она убила семь фашистов.

В этом бою ее ранило в лицо. Только мужество друзей спасло ее от плена. Едва придя в сознание, она увидела наклонившегося над ней Алексея Перевозчикова. Вместе они работали в Новосибирском обкоме комсомола, вместе воевали. Не в силах пошевелить раздробленной челюстью, Крелия знаками попросила карандаш и бумагу. Мысль о том, что она по-настоящему так и не отомстила за друга, да и вряд ли теперь отомстит, была невыносима, была сильнее адской боли, которая вдруг подползла к ней со всех сторон. И она написала:

«Пристрели меня».

Да, так было, и этого тоже не забудешь.

Иван Журавлев был посмертно представлен командованием к званию Героя Советского Союза. Доведено ли это представление до конца, — пока неизвестно. Иван Журавлев — один из многих, о которых можно сказать словами поэта: «Не всем еще венки отлиты, не всем награды вручены...»

Вот какая повесть стоит за одной строкой в той скорбной книге, которую мы нашли в городе Нелидове...

А теперь вновь — слово фронту

8, 9, 10, 12 декабря 1942 г. Исключительный героизм проявили артиллеристы 328-го артиллерийского полка, командир полка майор Гуменный. Особо отличились в этих боях: командир 5-й батареи старший лейтенант Жердев А. И. В период с 24 ноября по 8 декабря батарея Жердева уничтожила до батальона пехоты, 5 танков, 15 дзотов, 16 автомашин с войсками и грузами, склад с горючим, склад с боеприпасами, 2 наблюдательных

пункта, 8 станковых, 5 ручных пулеметов с прислугой, 3 минометных и одну артбатарею с прислугой. Лично Жердев под деревней Новая 8 декабря прямой наводкой из орудия уничтожил до 300 солдат и офицеров противника, подбил 4 танка, вследствие чего атака противника была отбита. Жердев погиб.

11 декабря. 10.00. 469-й стрелковый полк вышел из окружения. Одна группа его направлена в Кузьмино, вторая группа действует совместно с 674-м стрелковым полком на его правом фланге, третья вместе с тылом и артиллерией находится в роще Квадратная.

В 11.00 стало известно, что группа командиров 469-го стрелкового полка во главе с командиром полка подполковником Тарасовым блокирована в блиндажах немецкими танками и автоматчиками в районе высоты 236,1. В течение всего дня танки прямой наводкой вели огонь по блиндажам, а автоматчики обстреливали из автоматов. С наступлением темноты из блиндажей удалось выйти командиру 469-го стрелкового полка Тарасову, начальнику штаба капитану Фоменко (ранен) и небольшой группе командиров. Знамя вынесено подполковником Тарасовым. Другая часть командиров, находившаяся вместе с ними, погибла от огня противника. Зам. командира 469-го стрелкового полка Седлецкий и начальник штаба 674-го стрелкового полка майор Гаврилов застрелились...

ПРИКАЗ: Не допустить продвижения противника ни на один метр на юг и юго-запад.

15 декабря 1942 года. Убито 8592 фашиста.

16 декабря. С 9 часов до 16.00 авиация противника совершила три налета. В налете участвовало 49 «хейнкелей», «юнкерсов» и «мессеров».

В результате бомбардировки погиб начальник штаба 328-го артиллерийского полка капитан Шишкин.

21 декабря. Немцы начинают получать подкрепление из Брянска.

СТРОКИ ПОЛИТДОНЕСЕНИЯ

Штабы сибирских полков периодически докладывали командованию о сибиряках-добровольцах, отличившихся в боях и других воинских операциях. Более двадцати лет пролежали эти фронтовые политдонесения в архиве. Но и сегодня они звучат, как суровая, героическая поэма о тех, кто не щадил своей жизни в боях за Родину

Пределльно лаконично, языком протокола, скупно и даже сухо рассказывается в них о дерзких вылазках разведчиков, находчивости командиров, отваге коммунистов и комсомольцев, бесстрашии санинструкторов. Только строгие факты, точное время, место действия и фамилии героев. Подчас без имени и отчества.

Но именно эта лаконичность, достоверность, эта сущая правда о войне, о ее тяжелых буднях, о каждодневном геройстве, о жизни и смерти на передовой и есть то, что потрясает больше, чем какое-либо литературное описание событий.

Вот эти строки.

...Бойцы подразделения нашей разведки 674-го стрелкового полка под командованием младшего лейтенанта Вишнякова во время взятия деревни Симоновки захватили штабные документы гарнизона противника (4 портфеля, карты, инструкции). Особенно отличился при этом разведчик Хорунженко. В схватке с немцами он лично убил немецкого офицера и в этом бою сам пал смертью героя.

...Офицер связи 674-го стрелкового полка лейтенант Романенок Р. К., несмотря на контузию, вовремя доставил боевой приказ.

...Чуркин Георгий Федорович — красноармеец 5-й роты 674-го стрелкового полка в бою за деревню Симоновка был дважды ранен в голову и правую ногу. В течение двух часов продолжал участвовать в бою и только после третьего ранения был эвакуирован в медсанбат.

...Где порыв линии, там и Быков К. Ф., зам. командира роты по политчасти в отдельном батальоне связи. Когда 856-й стрелковый полк переходил на новый командный пункт, с ним долго не было связи. Быков с группой связистов отправился для восстановления связи с пехотой. Под сильным минометным и артиллерийским огнем связь была быстро восстановлена. При отходе наших подразделений из деревни Цицино Быков пропал без вести.

...9 декабря отдельный истребительно-противотанковый дивизион в составе трех батарей и роты ПТР вел бои с танками и пехотой противника в районе населенных пунктов Влазнево, Дубровка, Черепы, Новая. Здесь было подбито 8 танков. Отличился сержант Сотников, который лично уничтожил 2 танка и сам погиб на боевом посту у своего орудия.

...Разведчики разведроты комсомольцы Яныбаев и Гуреев, возвращаясь из разведки с группой 9 человек, натолкнулись на пулеметную точку противника. Яныбаев, наткнувшись на немецкого часового, ударил его штыком в плечо, немец вырвал из рук винтовку, обеими руками схватился за штык винтовки Яныбаева и пытался ее вырвать. Борьба продолжалась несколько минут Яныбаев, видя, что справиться с немцем трудно, бросил свою винтовку, схватил винтовку немца и прикладом по голове убил его. В это время разведчик Гуреев стоял у выхода из блиндажа и убил там двух немцев, пытавшихся выбраться из блиндажа на помощь своему часовому. После уничтожения пулеметного гнезда немцев, наши разведчики благополучно дошли в свое расположение.

...Кемеровец Анатолий Никитенко, преодолев минное поле и проволочное ограждение, подполз к немецкому дзоту и взорвал его гранатой, расчистив путь своей роте, атаковавшей и выбившей противника из деревни.

...Кемеровец Иван Гладкин первым ворвался

в населенный пункт и в уличном бою из автомата уничтожил 15 гитлеровцев. Десятки вражеских орудий, минометов и пулеметов подавили своим огнем минометчик, барзасский комсомолец Леонтий Рудин и кемеровец Конон Магденко.

...Автоматчик Павел Гулевский, комсомолец из Анжерки, истребил 11 немцев, сержант Захар Левадный из В. Чебулы — 15 немцев.

...Пулеметный расчет комсомольца Пospelова (856-й стрелковый полк) в бою за деревню Шайтровщина уничтожил 350 гитлеровцев. Расчет полностью награжден медалями.

...Взвод автоматчиков во главе с лейтенантом Подоляком первым ворвался в Шайтровщину и в уличном бою уничтожил 50 гитлеровцев, захватил 3 автомашины с грузом и другие трофеи.

...Разведчик-снайпер Рогозин еще до наступления уничтожил 69 немцев. Смело показал себя во время боя. Лично взял в плен двух офицеров, забросал гранатами два блиндажа. Находясь в окружении, предложил командованию 19-й бригады план прорыва немецкой обороны. План Рогозина был принят и осуществлен. Рогозин погиб под деревней Цицино. Посмертно представлен к ордену Красного Знамени.

...Член полкового бюро комсомола Чепурнов из ружья ПТР подбил 6 немецких танков, первым ворвался в деревню Влазнево, где и погиб.

...Член бюро Юсупов с группой бойцов под Клемятино истребил 200 гитлеровцев и захватил два станковых пулемета противника. Был ранен, но не ушел с поля боя. Погиб в этом бою.

...Комсомолки санитарного взвода Иванько, Чернова и Лемешенко вынесли с поля боя вместе с оружием 49 человек.

...Комсомолец-санинструктор Майзель под огнем противника вынес с поля боя 52 раненых и, несмотря на ранение и контузию, категорически отказался уйти с поля боя.

...Шахтер-комсомолец, знатный слесарь шахты

им. Кирова Коля Кирсанов (Ленинск-Кузнецкий — Р Л.) из своего автомата уничтожил в одном бою более 100 немцев, захватил два «языка», пять раз ходил в разведку, принося ценные сведения. Погиб.

...Клава Иванова, принятая в комсомол в период боевых действий, спасла жизнь более 60 бойцов и командиров, вынесла их с поля боя с оружием. Два раза контужена, один раз ранена, но не покинула поля боя, а в тяжелую минуту брала автомат и шла в цепи вместе с бойцами. Награждена медалью «За боевые заслуги» и орденом Красной Звезды.

...Развернулся жестокий бой. Подразделение, которым командует полковник Самойлович и заместитель командира по политчасти майор Кочетков, резко выдвинулось на правом фланге дивизии и оседлало дорогу Белый — Смоленск. 3-й батальон этой части под большим минометным огнем залег около проволочных заграждений. Создалась угроза больших потерь. Тогда поднимается заместитель по политчасти командир этого батальона капитан Гришин, идет к бойцам, расчищает вместе с ними гранатами и винтовками проволоку и двигается вперед. Путь для пехоты был открыт, но капитан Гришин здесь героически погиб. Дальнейшее продвижение этого полка (856 — Р Л.) было фланговым ударом и заходом в глубокий тыл противника. В течение 5 дней непрерывных боев полк занял 33 населенных пункта, вышел на шоссе на дорогу Белый — Вязьма, занял населенный пункт Шайтровщину, где захватил большие трофеи и убил 817 немцев.

В этом большом бою коммунисты проявили себя как прекрасные герои и мастера наступательного боя. Бронебойщик Пшеничников из противотанкового ружья подбил три немецких автомашины. Этим был закрыт выход из деревни остальным немецким автомашинам. Выход немцам на другом конце деревни Шайтровщина закрыл ком-

мунист Федулов Г Т Он подобрался к самому шоссе и из противотанкового ружья подбил автомашину противника. Через некоторое время 18 вражеских танков пошли в контратаку на Шайтровщину Тов. Федулов смело их расстреливал, он подбил один легкий танк. Контратака была успешно отражена....

Так, ломая сопротивление врага, шла дивизия сибиряков вперед и вперед, внося свой вклад в грядущую победу народа.

ГОРСТЬ КУЗБАССКОЙ ЗЕМЛИ

Был тихий серенький денек, когда мы приехали в деревню Демяхи. В войну здесь проходила юго-западная граница немецкой обороны. Пересекавшее деревню шоссе Белый — Смоленск было зажато с двух сторон, как в тиски, дотами и дзотами, вкопанными в землю танками.

Теперь справа от шоссе, на самом высоком в деревне месте, — братская могила за железной оградкой. Чьи-то добрые руки посадили на могиле полевую ромашку так, что белые звездочки цветов образуют никогда не вянущее слово: «Слава». На могиле стоит памятник. Далеко отсюда виден этот воин с суровым лицом, держащий автомат на изготовке.

В Демяхах — первая могила на местах боев под Белым, встреченная экспедицией.

Мы зашли за оградку Что-то сжимает горло...

Судя по данным Нелидовского райвоенкомата, здесь похоронены все, павшие в боях под Дубровкой, Черепами и Клемятиным. Значит, и Иван Журавлев... Но могила безымянна.

Собираясь в экспедицию, мы взяли с собой несколько кедровых шишек и немного земли с берега Томи, с того места, где заложен сейчас памятник комсомольцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

Горсть кузбасской земли мы смешали с той, что укрывает в Демяхах прах наших земляков. По краям могилы посеяли сибирские кедры.

Начал накрапывать дождик. Падают листья с берез, обступивших могилу. Грустно, тяжело. Молча стоим, каждый думая о своем...

Но вот, пыля, подъехал грузовик. Соскочили люди с машины, окружили нас, и, как водится, начались расспросы, разговоры.

А мы едем лен молотить, видим — гости у нас...

Так мы и познакомились с членами бригады сельхозартели «Призыв»

— Эта могилка для всех нас дорога, — сказала Матрена Васильевна Грекова. — Мы сюда и на май, и на октябрьские, и на «радуницу» собираемся всем миром. Принесем угощение, и своих помянем и ваших, и поплачем, и песни споем...

Низкий поклон вам за это, люди добрые, люди русские, сердечные! Он от всех нас — от каждой матери, не дождавшейся своего сына, от каждой вдовы-сибирячки, от всех осиротелых детей за эту душевную щедрость, за то, что не забыта, не заброшена, не заросла травой-бурьяном эта далекая от Сибири могила.

— И не зарастет, в этом не сомневайтесь, — наперебой заговорили колхозники.

— Одна память, одно горе нас связало, — вздохнула Нина Гавриловна Милюкова.

Побывали мы и в других селениях Бельского района — Карелы, Морозово, Будино, Головеньки, Шайтровка. Посидели на живописных берегах речки Начи, в которую впадает речка Вишенка. Говорят, что эта Вишенка не водой текла, а кровью, когда шли бои в «Долине смерти».

Чуть ли не в каждой деревне мы получали для музея какую-нибудь памятную о войне вещь. Помнится, в Сверкунах, пока Максим Иванович водил нас по остаткам траншей и других воинских укреплений, научный сотрудник музея Галина

Андреевна Грякова успела подружиться с деревенскими ребятами. И когда мы вернулись в деревню, то увидели у нее в руках пробитую пулей красноармейскую каску со звездочкой. Это была первая драгоценная реликвия, найденная на местах боев.

В блокноте появляется запись: «Получена в деревне Сверкуны Бельского района Калининской области от Беспаленкова Николая Митрофановича».

Тут же стоит и сам «Николай Митрофанович», канапушистый парнишка лет двенадцати. Он явно смущен привлеченным к нему вниманием. Но когда Давид Нейвирт нацеливает на него свой фотоаппарат, он старается принять как можно более солидный вид.

На окраине деревни Карелы и до сих пор еще лежат заржавевшие корпуса огромных снарядов фугасного действия. Один из них удалось отправить в Кемерово по железной дороге.

В Клемятино нам подарили солдатскую ложку со знакомым клеймом «КМК». Солдатские котелки, гильзы от снарядов, ремни, патронташ, немецкие каски и многое другое были высланы экспедицией в адрес Кемеровского музея.

ТАЙНЫ БЕЛЬСКОГО ЛЕСА

Леса подступают к Смоленскому тракту густой, непроницаемой стеной. Где-то, направо от главной магистрали, находится Квадратная роща, в которой дислоцировались сибирские полки накануне наступления на Бельскую группировку гитлеровцев. Но сколько мы ни спрашивали, никто такого названия не знает.

— Так это же Попова дача, — воскликнул, наконец, тракторист колхоза «Призыв» Александр Иванович Кузьменков. — Могу вас туда проводить, — вызвался он.

По словам нашего проводника, до леса от Демяхов километров шесть.

— После войны в той роще никто не бывал, — рассказывает Кузьменков. — Ну а мальчишки само собой, разве их удержишь! Соберутся ватагой и ну в лес, патроны старые собирать, снаряды. Иные озорники запалят костер — и давай те патроны в огонь бросать. Бывали случаи — подрывались...

Опять это слово: «Подрывались!»

Узкая зыбкая тропка, на которой то и дело проступала вода, привела нас в маленькую деревушку Черный ручей. Да и не деревушка это во все, а пяток домиков, уцелевших после войны. Живет здесь всего несколько семей, работающих на колхозной ферме.

В Черном ручье к нам присоединился Петя Поляков, десятилетний следопыт здешних мест. Мы вопросительно посмотрели на Александра Ивановича, но тот не возражал.

— Этот пацан уж, наверное, сто раз тут все облазил...

«Пацан» держался независимо, неожиданно вдруг куда-то исчезал, а когда мы, потеряв его из вида, нестройно кричали «Пе-е-тя-а», он вдруг выныривал откуда-то совсем рядом и снисходительно говорил: «Да вот же он — я».

Наконец, мы подошли к самому лесу. На переднем плане будто сторожа стоят темные замшелые ели. В глубине за ними — таинственно и тихо. Я вхожу в этот лес моего детства с замиранием сердца, как входят в старый, давно покинутый дом, боясь нарушить непуганную тишину, ловя каждый звук, каждый шорох.

Ноги утопают во влажном мху. Недвижный воздух пропитан запахом спелой рябины, грибов, увядшей травы. Солнечный свет, едва пробиваясь сквозь густоту деревьев и мрак, будто прожектором выхватывает из сумеречной лесной тени то рубиновую звездочку брусники, то желто-фиолетовый фонарик иван-да-марьи... Ни ветер, ни пги-

ца, ни зверь не подают своего голоса, все притаилось, все к чему-то прислушивается. Нет, не узнаю я тебя, Бельский лес. Что-то недоброе есть в этой твоей тишине. А ведь я помню тебя совсем другим. Помню твою веселую красу, твои шатровые ели, под которыми бывало сухо даже в самый сильный июльский ливень; твои плакучие березы, распутившие зеленые косы до самой земли; твои поляны, опоясанные зарослями орешника и ежевики. Даже пыль твоих дорог я помню, такую теплую для босых ног в знобкое осеннее утро.

Что же стало с тобой, батюшка-лес, что молчишь, что хмуришься, какую думку думаешь? Какие тайны хоронишь?

Видно, этот лес, что бывало и приютит и накормит тебя при надобности, уж много лет никого не одаривает своим богатством. Лежит на земле осыпавшаяся с кустов спелая ягода, повалились на бок никем не бранные грибы.

— Приметил я еще с лета здесь место одно, — говорит вдруг Александр Иванович. — Думаю, пойду травы накошу, что добру зря пропадать. Только размахнулся, а коса — торк во что-то! Гляжу, каска. Наша, красноармейская. А из нее... череп выкатился. Отробно* мне стало. Ушел я оттуда. Где-то здесь должно быть то место, возле березок...

Покружившись по лесу, и впрямь то место отыскали. И каска лежит, и череп. А чуть поодаль — граната-лимонка, кучка больших и малых минных осколков, пронзивших безвестного солдата... Нескольких пуговичек от гимнастерки... Неиспользованный запал гранаты...

Мы предали земле останки неизвестного солдата. На маленький глинистый холмик положили ветку спелой рябины, — первые дары осеннего леса.

Долго мы ходили по Квадратной роще. Видели

*Отробно жутко.

блиндажи и «землянки в три наката», насквозь проросшие березами, и воронки, воронки, воронки... на дне которых лежат зеленые, как мох, солдатские ремни, обломки военной техники, нестреляные патроны... И над всем этим такая тишина, будто все навек оглохло и онемело здесь от пронесшейся когда-то страшной бури.

В одном окопчике нашли заржавевшую бритву, помазок и развалившийся в руках брусочек. Видно брился кто-то, да так и не добрился...

Петя тянет за рукав: «Идите-ка, что покажу...»

Уткнувшись лисьей мордочкой в ствол березы, лежит артиллерийская мина. Слово перья на хвосту у птицы, растопырился стабилизатор. И боеголовка цела, и винтовая нарезка. Лежит мина тихо-тихо, притаившись, будто поджидая кого... А чуть подалее Максим Иванович углядел проволочку от полевой мины...

Нет, мы теперь ни на шаг не отпустим от себя Петю! Ведь стоило ему сделать неосторожное движение — и не стало бы этой тишины. Черные космы дыма заслонили бы солнце, захуло, захотало бы эхо...

Много тайн хранит в себе лес, который видел войну

Вот от дерева к дереву протянулась колючая проволока. Видно, нехватило связисту кабеля, а связь нужно было тянуть во что бы то ни стало. Не будет связи командного пункта с частями и подразделениями — замолчат пушки и пулеметы, и враг, воспользовавшись этим, прорвется вперед. Тогда находчивый связист вместо телефонного кабеля использовал колючую проволоку. Один конец ее набросил на дерево, другой — подключил к аппарату. И вновь от блиндажа к блиндажу, от окопа к окопу понеслись позывные: «Ромашка»... Ты слышишь меня? Я «фиалка»... Я — «фиалка...»

Связь восстановлена! Бой продолжается!

Мы не знаем да и никогда не узнаем имени

того связиста. Но в ту минуту мы вспомнили о тебе, безвестный труженик войны. Проволока, которую ты тянул по этому лесу, и сейчас висит на дереве. Накрепко, навечно впаялась она в ствол березы, выросла в нее, оплыла корой. И в шорохе осенних листьев нам слышится: «Я — «фиалка»... Я — «фиалка»... Огонь!...»

Чем дальше мы углубляемся в лес, тем реже просветы, глуше места, глубже тишина.

Вышли на старую колею, едва заметную в густой траве. А вскоре у огромной ели увидели два холмика. Едва дотронулись до деревянного обелиска, как весь он рассыпался желтой трухой. Хорошо лишь сохранилась металлическая пластинка с аккуратно вырезанной надписью:

*«Техник-лейтенант
танковых войск
ГРИГОРЬЕВ А. Г
27.12 1942 г.»*

Сколько ни искали, ничего не нашли на другой могиле. Ни знака, ни памятки о том, кто в ней покоится.

Уж солнце садилось и клочкастый туман стал просачиваться сквозь чащу, когда Александр Иванович начал выводить нас к деревне. Не раз переходили мы тропы диких кабанов. Не тропы даже, а целые магистрали, шириной в пять-шесть метров проложены стадами этих зверей в самых, казалось бы, непроходимых местах. Словно плугами взрыта земля, выворочены корни деревьев. Еще курится теплой пылью звериная просека, но кабанов нигде не видно. Да и мы, совершенно безоружные, не жалеем, что такая встреча не состоялась...

Прощай, бельский лес!...

В день, когда мы уезжали из Белого, в центре города у братской могилы павших воинов, состоялся митинг. Сюда пришли сотни горожан. Торжественный и скорбный момент возложения к

памятнику венка, любовно сделанного женщинами Белого. Старейшая жительница города коммунистка Вера Васильевна Мазеркина сказала теплое слово:

— Сибирь нам стала родной и близкой, несмотря ни на какие расстояния. Потому что оттуда пришли наши защитники, вызволившие нас из фашистской неволи. Из пепла, своими руками подняли мы наш город, подняли для мирной жизни, для мирного труда и счастья. И для блага мира мы ничего не пожалеем. Пусть знают сибиряки, что мы свято храним память об их земляках, павших на бельской земле в боях за Родину

Председатель городского Совета Сергей Иванович Минин передал для Кемеровского музея знаменательный сувенир: обломок кирпича с засевшими в нем пулями из последнего разрушенного фашистами дома.

ВЕЛИКИЕ ЛУКИ

Краткая запись в журнале боевых действий дивизии от 14 января 1943 года: «Противник в составе 205-й и 331-й пехотных дивизий, неся большие потери, пытается на узком фронте прорваться в Великие Луки, дабы соединиться с остатками разгромленного гарнизона».

Не дать немцам выполнить это намерение, отрезать от осажденного фашистского гарнизона свежие воинские силы противника, идущие по направлению к Великим Лукам — такую новую боевую задачу командование фронта поставило перед сибирским корпусом после прорыва обороны немцев под городом Белым.

В Великих Луках сосредоточен важный узел железных дорог прямого сообщения через Ржев — на Москву, через Витебск — на Смоленск, в Белоруссию и Прибалтику. Огромные пространства за Великими Луками на запад и к северу зимой

1943 года контролировались группой немецко-фашистских армий «Север», блокировавшей Ленинград.

Ясно, почему немцам было необходимо во что бы то ни стало удержать за собой Великие Луки. Говорят, Гитлер не скупился на посулы. Он будто бы обещал начальнику великолукского гарнизона майору фон Зассу переименовать Великие Луки в Зассштадт, если гарнизону удастся удержаться в городе.

Сибиряки встретили под Великими Луками отборные фашистские штурмовые части. Несколько дней длились жестокие бои. В первые три дня полки сибирского корпуса уничтожили 3000 фашистов, подбили несколько танков и много другой техники. Немцы, так и не пробившись к гарнизону, стали отступать.

— Город горел, — вспоминает Максим Иванович Рыжков. — Гарнизон сдался. Обросшие, одичавшие, одетые в разное тряпье, выползали «завоеватели» из всех щелей, покидая свои убежища.

Сегодня Великие Луки — это заново построенный большой современный город. Если до войны здесь было всего пятнадцать тысяч жителей, то сейчас — семьдесят пять.

Продукция его заводов удовлетворяет нужды не только крупнейших районов нашей страны, но и пользуется большим спросом за рубежом. Предприятия Великих Лук участвовали, например, в сооружении Ассуанской плотины в Египте.

Завод швейно-трикотажных изделий по количеству и качеству продукции занимает в Российской Федерации первое место. Мы были на этом огромном предприятии, выпускающем ежегодно 16 миллионов трикотажных изделий. В светлых, просторных цехах установлено новейшее оборудование, полуавтоматы. У станков стоят знатные люди страны — депутаты Верховного Совета, делегаты партийных и комсомольских съездов, известные рационализаторы и изобретатели.

В городе находится крупный завод радиодеталей, продукция которого пользуется широкой известностью не только в нашей стране, но и в странах Африки и Азии.

В день, когда мы были на трикотажной фабрике, там проводился праздник цветов. Это одна из замечательных традиций сегодняшних Великих Лук.

Кипучей трудовой и культурной жизнью живут труженики Великих Лук. Красив этот город вечером, когда зажигаются огни кинотеатров и клубов, когда толпы нарядных людей заполняют скверы и парки. Живописны высокие берега Ловати. Здесь, лицом к реке стоит отлитый в металл памятник легендарному герою Великой Отечественной войны Александру Матросову. Глядя на прекрасный монумент, вдохновенно выполненный народным художником Вучетичем, веришь: таким и был Матросов в момент, когда ринулся на амбразуру вражеского дзота в бою у деревни Чернушки. Сурово, решительно юное лицо гвардейца 56-й стрелковой дивизии. С автоматом в правой руке, а левой безотчетно рванув на груди полубок, — вот так, наверное, он и упал сердцем на огненную пулеметную струю... В этом бессмертном порыве и запечатлен Александр Матросов скульптором.

Сюда, на крутой берег Ловати, перенесен из деревни Чернушки прах Матросова. Не увядают цветы у подножия памятника. По краям большой гранитной лестницы, что от самой реки проложена к памятнику, мы посеяли наши кедры. Ведь Матросов и сибиряки-добровольцы воевали в составе одного корпуса, а бойцы сибирского полка были одними из первых, узнавших о его подвиге.

Почти полдня по лесному бездорожью добирались мы до деревни Чернушки. Даже необыкновенно сухое и жаркое лето не тронуло здешних трясин. Недвижно под давно сгнившими бревнами

стоят глубокие омуты. И только предусмотрительность опытных шоферов спасла нас от многих неприятностей.

Оказалось, что нет давно Чернушек, начисто сметенных войной. Но народ любовно оберегает место подвига Матросова, святое место для всей России. Когда-то на этой поляне была установлена памятная бетонная плита. Теперь колхозные умельцы соорудили здесь каменный памятник — дзот.

Что-то трогательное есть в этом покрашенном бронзовой краской сооружении, в этих посаженных рядком молодых березах. И, может быть, ни один даже самый прекрасный и дорогой памятник не задевает так людских сердец, как этот, воздвигнутый совсем безвестным мастером в далекой лесной глухомани, за сотни верст от проезжих дорог

И здесь, как и повсюду на дорогах войны, мы видели приметы народной любви и памяти о своих павших сыновьях. Вот-вот кто-то уже был до нас у этого памятника и положил на край дзота полевые цветы...

Мы побывали во многих селах под Великими Луками, где проходили ожесточенные бои. В этой поездке нас сопровождала бывшая партизанка — разведчица Вера Ивановна Кравченко. Не раз она переходила линию фронта, дважды была ранена. Последнее ранение лишило ее ноги. Но эта еще молодая женщина полна энергии и больше и охотнее рассказывает нам о сегодняшней своей учительской работе, чем о партизанском прошлом.

Сопровождая нас, Вера Ивановна выполняет поручение секретаря горкома партии А. М. Рыбакова — побывать на местах боев сибиряков и подготовить вопрос об увековечении памяти воинов, павших за Великие Луки и Локню.

И они есть — и подвиги и герои, — достойные памяти народа!

...Стрелковый полк получил задание овладеть

деревнями Селилово, Сахны и Брюхны, бывшие передовыми позициями противника под Великими Луками. Гитлеровцы основательно укрепились на безымянных высотках, и кузбассовцам предстояло идти на штурм по совершенно открытому пространству. Преодолевая минные поля и шквальный пулеметно-минометный огонь, сибиряки медленно продвигались вперед. Когда казалось, что еще один бросок и задача будет выполнена, — путь перерезала небольшая лощина, которая отделяла наши наступающие части от деревни Сахны. Рукой подать до деревни, но каждый шаг к ней — смерть.

И тогда на рассвете 18 января 1943 года группа смельчаков во главе с кемеровцем лейтенантом Богдановым К. В. задумала дерзкую операцию. В донесении командованию о подвиге говорится:

«Лейтенант Богданов, командир пульроты Зыков, адъютант батальона Шевченко и командир роты противотанковых ружей лейтенант Орлов с группой бойцов в 25 человек, смелым и решительным броском преодолевая лощину, подошли вплотную к деревне Сахны. Весь этот маневр был совершен быстро и бесшумно.

На рассвете, оглядевшись вокруг, Богданов обнаружил до 80 солдат и офицеров противника, спокойно расхаживавших под прикрытием высоты. Группа была вооружена станковыми пулеметами и противотанковой пушкой.

Быстро оценив обстановку, Богданов обрушил на немцев шквал огня, беспощадно истребляя гитлеровских головорезов.

Лейтенант Орлов с первых выстрелов из противотанкового ружья подбил два станковых пулемета и пушку. Бойцы без промаха били по метавшимся фрицам.

В этом бою лейтенант Богданов с малочисленной группой бойцов истребил 43 фашиста, 2 станковых пулемета, 4 ручных пулемета и противотанковую пушку

Смертью героя в бесстрашном порыве на врага погиб сраженный пулей лейтенант Шевченко».

В донесении рассказывается о лейтенанте Ченчевом, который из 45-миллиметровой пушки разбил дзот противника и подавил два станковых пулемета; о кузбасском полке, который под командованием Деревянко выбил немцев из трех населенных пунктов, превращенных в мощные узлы сопротивления; о том, как кемеровский полк под командованием Самойловича взял десятки вражеских укреплений и закрепил занятые позиции; о пулеметчике Николае Смолкине, который, выдвинувшись на близкую к немецким траншеям дистанцию, истребил 30 вражеских автоматчиков, пытавшихся подняться в контратаку...

И здесь, под Великими Луками, как и повсюду где шла война, мы рядом с колхозными пашнями, видели оставленные ею следы. В глубоких лощинах и на крутых взгорках и по сей день еще четко, будто обведенные резцом, проступают контуры бывших укреплений.

Нелегко было из пепла возрождать города и села, нелегко на месте обгорелых пней выращивать плодоносные сады, выкорчевывать из земли железо войны.

Но еще труднее заставить забыть и замолчать сердце человеческое. Стоит лишь заговорить о войне, как с самого глубинного дна памяти поднимается горе. Кто там толкует об амнистии фашистским преступникам! Кто смеет говорить о какой-то «давности времени», когда и двадцать лет спустя кличут матери своих сыновей, не вернувшихся домой, ищут их могилы; когда и до сих пор по всей земле рекой течет великая материнская боль о загубленных гитлеровцами жизнях?!

Есть под Великими Луками небольшая деревенька Марково. Здесь мы встретились с Пелагеей Васильевной Крыловой. Она все забыла — и дату своего рождения, и когда была ее свадьба. И будни, и праздники, и смена времен года — все

слилось для нее в один тот год, тот день и тот час: 1942. 15 марта. Пять часов утра.

В тот мглистый ранний час, сорвав дверь с петель, ввалились в ее дом немецкие каратели. Полицай Костылев сказал: «Две минуты сроку на ответ — где партизаны?»

Да, накануне в их доме были партизны, и Пелагея Васильевна, чем могла, одарила их — и картошкой, и хлебом, хоть и у самой было не густо. А когда партизаны уходили, сын ее Толя, засобиравшись с ними. Но мать не отпустила от себя парнишку

О, лучше бы она сама темной ночью отвела своего сына в тайное партизанское место, схоронила бы его, спрятала бы от страшной беды...

Когда две назначенные ей минуты истекли и она ничего не сказала, каратели схватили Толю и выволокли на улицу. Мать побежала за ним, чтобы дать сыну в дорогу хоть кусочек хлеба, но каратели ударили ее прикладом и она упала.

— Завели моего сына в лозни, убили там и бросили.

Потом они подожгли деревню и стали хватать ни в чем не повинных людей.

И вот стоит перед нами на деревенской улице старая женщина с поблекшими глазами и вспоминает...

— И откуда еще, Пелагея, у тебя слезы берутся, — сочувственно покачала головой одна из колхозниц.

Откуда?! И сама мать на это не ответит, — так неиссякаемы, так бездонно-глубоки родники ее печали.

Когда прошел по деревне фронт, над каждым убитым солдатом причитала потом Пелагея Васильевна, по каждому павшему советскому бойцу носила она и носит в душе своей материнский траур. Кого могла — похоронила. И вот уже двадцать с лишним лет оберегает она шесть безымянных холмиков, на высотке, за деревней.

Пелагея Васильевна сводила нас на это место. Мы стоим у пологого склона, и кажется отсюда, что эти шесть безымянных курганов земля подняла на своих ладонях к самым облакам.

Овевают курганы ветры, поливают дожди, сушит солнце, засыпают снега. И эта их одинокость и какая-то незащищенность вызывают в душе щемящую грусть. У подножия курганов плещется неоглядное море колхозных пашен. А с высоты открывается такая ширь, такой простор, что дух захватывает. И вся деревня Марково и другие селения видны, как на ладони. И еще видны дороги, много дорог, стекающих отовсюду в эту долину

— Здесь и нужно ставить памятник сибирякам, — очень тихо, словно думая вслух, сказала бывшая партизанка Вера Ивановна Кравченко, — На стыке всех дорог, чтоб каждому — и проезжему, и прохожему — был он виден...

Когда мы вернулись в деревню, нас попросила зайти к себе колхозница Вера Егоровна Чернышева. Отец ее сражался за Ленинград, мать здесь же, в деревне, была убита шальным снарядом.

Много лет у них в доме свято хранилась сделанная из снарядной гильзы пластинка, на которой написано:

*«Здесь похоронен
ст лейтенант ФЕДОТОВ А. А. — 1922 г.
ст сержант КРЕНДЕЛЕВ Ф Я — 1907 г.
павшие смертью храбрых
в борьбе с немецкими оккупантами
Январь. 1943 г.»*

— Еще девчонкой я ее в лесу нашла. Покажите сибирякам, — сказала Вера Егоровна. — Может, кто из родных найдется этим воинам...

С благоговением, как драгоценную реликвию принимаем мы из рук великолукской колхозницы еще один памятный знак о безвестных героях Ро-

дины. Кто знает, может быть, эта пластинка поможет кому-нибудь узнать о судьбе дорогих людей, чьи имена написаны на ней, и хоть этим утишить боль невосполнимой утраты.

ПОД ГОРОДОМ ЕЛЬНЕЙ

Уже давно позади партизанский Нелидовский край и маленький героический город на Обше со своими древними легендами и сегодняшними заботами; позади леса Калининщины, населенные сумерками, плотной тишиной и неразгаданными тайнами одиноких могил. Но все отчетливее встают в памяти встречи с людьми, вновь украсившими землю садами, засеявшими ее хлебом насущным, с людьми, у которых еще не зажили раны сердца, нанесенные войной, которые ничего не забыли и ничего не простили фашистским захватчикам.

И чем больше вспоминаешь об этих встречах, тем дороже становится отвоеванный в боях окружающий тебя мир, полный труда и красоты.

Рядом с нами по бывшим дорогам войны шагает работающая осень. До самого горизонта расстелила она аккуратные валочки льна, собрала в мешки зерно, по-хозяйски подгрестила в скирды солому, тяжелой спелостью налила яблоневые сады.

Сегодня — первое сентября, и весело смотреть, как по этому шоссе, которое в военных сводках именовалось когда-то «Спас-Деменским направлением», идут на праздник первого звонка сельские ребятишки, сверкая белизной новых рубашек и форменных фартучков.

Здесь, под городом Ельней, двадцать один год тому назад сибиряки-добровольцы во взаимодействии с другими частями 10-й гвардейской армии брали неприступные Гнездиловские высоты.

Гитлеровцы, отступая, до тла сожгли город Ельню, уничтожили все школы, больницы, жилые

дома в районе. Сотни бесприютных осиротевших детей были подобраны на этих дорогах нашими бойцами. И жители Ельни, сами все потерявшие, но сострадающие детскому горю, взяли тех сирот на воспитание.

В районной газете «Социалистический путь», в те годы на первой странице рядом с военными сводками Совинформбюро печатались фамилии людей с добрым, участливым сердцем.

«Гражданка Фесенко Нина взяла на воспитание двоих детей».

«Сироту Ваню Фирсанова приютила гражданка Жигарева...»

А сегодня дети тех детей идут в школу И в этом тоже красота нашего мира.

...За околицей деревни Гнездилово, что под городом Ельней, на несколько километров раскинулись ровные, как плат, луга. Кое-где на них темнеют перелески, которые осень уже успела прошить разноцветными стежками. А дальше, у горизонта, едва заметно подчеркнутого плавными волнистыми линиями лесов, та легендарная высота 233,3, которая была взята сибиряками ошеломляюще-стремительным штурмом.

Еще несколько часов пути, и мы будем в самом центре неприступной когда-то крепости фашистской обороны.

Священное для всех сибиряков место!

Мы слишком много говорили о Гнездиловских высотах, слишком сильно стремились к ним. А сейчас вот стоим, как прикованные, и молча смотрим на дальние эти холмы. Кажется, что вот-вот донесутся оттуда грозные голоса войны...

Каким-то душевным трепетом наполнены у каждого из нас эти минуты. В поисках папироски шарит по карманам некурящий Максим Иванович. Всегда хлопотливый наш фотограф Давид Нейвирт на этот раз что-то не щелкает своим фотоаппаратом...

Потом мы идем в деревню.

Первый же встреченный нами житель деревни семидесятилетний Иван Викторович Косарев заводит нас к себе в хату. Он долго что-то ищет в деревянном сундучке, а потом достает оттуда небольшой металлический медальон с латинской надписью. Это полевая послевоенная находка. Видно какой-то гитлеровский головорез носил медальон, как талисман, да только вот потерял его под этой русской деревней вместе со своей головой!

Все четыре года войны Иван Викторович пробыл на фронте, награжден несколькими медалями. Он показывает нам ворох благодарностей Верховного Главнокомандования за мужество и доблесть в боях на Кавказе, под Сталинградом, в Чехословакии. Но пока он воевал, немцы здесь дом разорили, двух дочерей убили: Таню — учительницу и Зину — школьницу восьми лет.

— Веточки мои обрубил, но корень остался, — говорит он. — И корень тот, почитай, по всей России прошел. Два сына — в Ленинграде, третий в городе Кирове, дочь Пелагея — в Калуге, остальные двое при мне, вместе в колхозе работаем. Мне хоть и семьдесят с лишком, а работы не прерываю, жила у меня еще крепкая, кого хошь перетянет, — смеется старик. — Да, корень, значит, цел, а от корня новые отросточки отпрыгнули — шесть внуков да три правнука!...

И неожиданно умолкает, когда в избу входит жена.

— Она вот у меня подкачала, шепчет старик доверительно.

Услышав разговор про войну, рухнула на лавку Матрена Васильевна, запричитала. Враз ссутулился Иван Викторович, стоит над женой с ковшиком воды и не знает, что ему делать. А она одно только и может вымолвить:

— Танечка... Зинушка...

Нет, никогда не забудут и не простят фашистского злодейства матери России!

Выехав за деревню, мы долго оглядываемся на ее заросшую раkitами улицу Последняя деревня перед высотой 233,3.

Каким пологим, совсем не трудным для подъема кажется сегодня склон этой высоты и каким неприступным, изрыгающим смертельный огонь, был он тогда, в августе сорок третьего. Никаких следов прошедших здесь сражений. Один лишь полузасыпанный противотанковый ров, с выросшими на его дне кустами и деревьями.

Рассказы очевидцев, воинские документы, журнал боевых действий дивизии помогают воссоздать картину тех дней.

Чтобы подойти к этой высоте, сибирякам, находившимся в передовых частях прорыва, нужно было преодолеть более двухсот дотов и дзотов и взять с бою 400 блиндажей.

Минные поля и многослойные проволочные заграждения были протянуты здесь на глубину 15 километров. Высота заслоняла собой линию железной дороги на Ельню и Смоленск.

Немцы настолько были уверены в неприступности высот, что расположились здесь, как дома. Участники штурма рассказывают, что блиндажи были задрапированы шелком, набиты мебелью и всякой утварью, а ходы сообщения посыпаны песочком...

Но вот 7 августа 1943 года эта идиллия была нарушена. Раздался первый грозный залп артиллерии, возвещавший начало штурма высот. За первые три часа по высотам было выпущено 90 вагонов снарядов!

По масштабам и напряженности, по силе сопротивления врага таких боев еще не знала дивизия сибиряков. Бывали дни, когда над наступающими частями нависали сотни самолетов противника.

Но натиск, воинское мастерство и отвага сибиряков были ошеломляющими. В архивах дивизии сохранились любопытные свидетельства взятых в

На дорогах войны

Шрамы земли

Такие гати настилали сибиряки на под-
ступах к Белому

На развилке дорог застрял железобетон-
ный дот...

Когда-то эту долину на дне которой
сейчас мирно течет ручей и кудрявится
орешник, сибиряки называли «Долиной
смерти»

В дремучих бельских лесах еще и сейчас можно найти остатки блиндажей

Находки в Бельских лесах

Памятник на ключевой Гнездиловской
высоте героям, павшим в боях за
Родину

В центре города Белого, как вечный часовой мира, стоит этот бронзовый солдат

Таким и представляешь себе Александра Матросова в светлую минуту подвига

На месте подвига Александра Матросова
колхозные умельцы соорудили дзот-
памятник

НЕ ТРОГАЙ-ВЗОРВЕЛСЯ!

Сделай бомбу
и взорвется!

Сделай бомбу
и взорвется!

Сделай бомбу
и взорвется!

«Не трогай взорвется!» предупреждает плакат детей Калининщины

Богданов К. В... На братском кладбище в городе Ельне встретилось нам имя одного из героев боев за Великие Луки

плен немцев. Вот что показывал унтер-офицер Франц Гутзер:

«Как солдат, участвовавший в войне с самого ее начала и побывавший в боях на западе и на востоке, я уже имею кое-какой опыт. 7 августа утром начался убийственный ураганный огонь, подобно которому я еще не переживал. Мне стоило большого труда удержать своих людей».

Унтер-офицер Карл Мюллер заявил: «Я сдался в плен 11 августа. Мы были крайне изнурены непрерывным тяжелым огнем противника. Под этим ураганным огнем мы находились два дня. Мы рады, что живыми выбрались из огня...»

В жестоких кровопролитных боях, отбивая одну контратаку врага за другой, сибиряки все ближе подбирались к ключевой высоте. Гитлеровцы вынуждены были подтянуть к Гнездилову новые пехотные дивизии с Брянского фронта. Но это не помогло. Только лишь в боях за деревни Гнездилово, Слепцы, Оселье, расположенные на пути к станции Павлиново, дивизия сибиряков перемолола живую силу и технику трех отборных дивизий немцев.

Оборона врага была прорвана. Ни танки, ни самоходные пушки противника, ни массированные налеты авиации уже не могли сдержать штурмового порыва наступающих советских частей.

Потери немцев на Гнездиловских высотах составили до 15 тысяч человек.

Бесчисленны примеры героизма и стойкости сибиряков-гвардейцев.

Штурм Гнездиловских высот был первым боевым крещением комсомольского пополнения сибирского полка. Выполняя задание командования, пулеметный расчет гвардии старшего сержанта Владимира Юциса выдвинулся на одну из передовых позиций, чтобы прикрыть наступающую пехоту. Молодые воины вели непрерывный огонь по врагу начавшему контратаку. Не

отступив назад ни шагу, расчет продолжал косить немцев с близкой дистанции. Замешательство врага было вовремя использовано пехотой, и рубеж был взят. Юцис, Никитенко, Гриценко и Солдатов погибли, уничтожив 52 вражеских солдата.

Любимцем дивизии был командир стрелкового взвода новосибирский поэт Борис Богатков. За воинские подвиги ему перед боем был вручен автомат кузнецкого сталевара Чалкова.

Вся дивизия пела песню Богаткова:

Чем дальше мы на запад
идем, громя фашистов,
Тем ближе к нам родимая
Сибирь...

В одном из боев за высоту, когда непрерывный огонь не давал взводу подняться в атаку и прижимал его к земле, Борис Богатков поднялся во весь рост и запел свою песню, увлекая за собой бойцов. Гвардейцы подхватили песню и ринулись вперед за своим командиром.

Богатков первым ворвался в траншею, и прежде чем погиб, успел уничтожить несколько фашистов.

После боя автомат поэта № 8965 был вручен одному из лучших бойцов стрелкового взвода комсомольцу Николаю Климкину. Истребив в последующей атаке шесть немцев, смертельно раненый комсомолец не покинул поля боя и из рук в руки, умирая, передал священное оружие своему товарищу Григорию Телегину.

Вот еще один боевой эпизод. Немцы под прикрытием 15 танков и самоходных орудий начали контратаку в том направлении, где стоял взвод противотанковых пушек Евдокима Чугаева. Пехота, выжидая удобного момента, укрылась в траншеях, и бойцы Чугаева оказались один на один против танков и немецких автоматчиков. Что произошло дальше, рассказывает политдонесение командира дивизии гвардии полковника Г. И. Па-

нишева и начальника политотдела гвардии подполковника А. С. Ширяева.

«Решала каждая секунда. «Сибиряки не отступают! — крикнул Чугаев. — Расчеты, к бою! Огонь по фашистским гадам!» Зараженные несгибаемой волей и боевой страстью своего командира, расчеты тт. Морозова и Степанова под вражеским огнем молниеносно развернули свои пушки. Завязался короткий и ожесточенный поединок горстки гвардейцев-артиллеристов с бронированными чудовищами немцев. Ударила пушка Василия Морозова по головному танку тремя снарядами. Выдержала толстая броня фашистского танка, но не выдержали нервы гитлеровских танкистов дерзкой силы гвардейцев. Танк стал разворачиваться и подставил под огонь свой борт. В ту же секунду Морозов ударил ему в борт снарядом. Вспыхнула стальная громадина. Рядом второй немецкий танк развернулся, пытаясь спрятаться в кусты. Евдоким Чугаев крикнул Морозову: «Бей, Василий, в бок проклятого гада!» Грянул выстрел, и второй танк запылал на месте. У третьего танка броня послабей оказалась, — остановился он грудой исковерканного металла после первого же снаряда. В это время подняла канонаду наша артиллерия, и остальные немецкие танки поспешили убраться. А Чугаев продолжал бой. Он приказал бить по немецкой пехоте осколочными снарядами. Увлеченные героизмом чугаевцев, поднялись из траншей наши стрелки и дружным ударом погнали немецких автоматчиков... И в последующих боях с таким же прекрасным мужеством и несгибаемой гвардейской стойкостью дрался сибиряк-истребитель танков Евдоким Чугаев. Он представлен к званию Героя Советского Союза, а также к производству в офицеры».

Как повествуют записи в журнале, смертью героев пали в боях за высоту 233,3 командир взвода управления 1-й батареи гв. лейтенант Борисов С. М., командир 1-го дивизиона гв. капитан

Федоров, командир 2-го дивизиона гв. капитан Матвеев, командир 62-го гвардейского стрелкового полка гв. подполковник Зенькович и его заместитель по политчасти гв. майор Порошин, комсомолка Нина Чуботарь, вынесшая с поля боя двенадцать раненых, комсорг 6-й стрелковой роты 62-го гвардейского полка снайпер Вдовин, за один день уничтоживший 30 гитлеровцев, командир батареи 45-миллиметровых пушек гв. старший лейтенант Куликов.

Здесь погиб и герой боев за Великие Луки, о котором рассказывалось выше, гвардии старший лейтенант 67-го гвардейского стрелкового полка Богданов К. В. На братском кладбище в городе Ельне среди имен героев, написанных на мраморных плитах, мы увидели и его имя. Командуя первой стрелковой батареей полка, он повел бойцов на отражение контратаки противника и в этом бою погиб.

Пали за высоту старший лейтенант Антонов, капитан Дудко, капитан Стенин, лейтенант Васильченко, старший лейтенант Яропотов. Спасая командира, погибла санинструктор кемеровчанка Полина Боборыкина...

РАССКАЗ СТАРШИНЫ МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ

В то время, когда писалась эта книга, бывший гвардии старшина медицинской службы Лидия Мартемьяновна Мичурина принесла свой рассказ о фронтовой подруге Тоне Сорокиной.

Привожу этот рассказ с дополнениями, сделанными Мичуриной устно.

— Она погибла у меня на глазах от фашистской пули. Рослая, веселая, красивая, настоящая сибирячка, она была любимицей нашей роты. Ее любили за добрый нрав, бесстрашие, выносливость, которой удивлялись даже бывалые солдаты.

Она словно была создана для того, чтобы каждому в трудную минуту подставить свое крепкое плечо, подать верную руку. Бывало, тащишь под пулями раненого бойца в укрытие, — одного, другого, третьего... Кажется, вот-вот иссякнут силы. Во рту сухо, под тобой горит земля, дым ест глаза. И вдруг в эту минуту услышишь знакомый голос: «Ну-ка, подружка, давай подсоблю!»... Это Тоня.

А в короткие передышки, когда у всех одно желание — привалиться к стенке траншеи и отдаться отдыху, когда у солдата еще руки дрожат после рукопашной, когда еще не успел он смахнуть с лица гарь и копоть сражения, — она вырывалась в круг и, лихо заломив пилотку, уморительно коверкая слова, изображает в ту же сочиненной частушке гитлеровцев:

Ох, ох, не дай бог
С русскими встречаться!
Болят шея, болят бок...
Они дюжи драться!..

И уже повеселел, распрямил плечи солдат. И каждому перед ней хочется выглядеть молодцом, и каждый скажет:

— Ну что за дивчина!

И вот тот августовский день у высоты 233,3 под городом Ельней...

Приближался час решающего штурма. В назначенное время наши танки пошли на немецкие позиции. За ними поднялись цепи бойцов, а вместе с пехотой пошли в атаку и мы, сандружинницы. Гитлеровцы бросили навстречу нам самоходки и «тигры». В воздух поднялись самолеты. Вот уже видно, как плотными рядами в серо-зеленых маскхалатах идут фашистские автоматчики. Уже можно различить их искаженные лица, а на танках паучью свастику.

И тут мы услышали напряженный звенящий голос командира роты капитана Маркина. На немецкие танки и пехоту хлынула масса огня.

Раскаленные осколки снарядов с визгом впились в землю. Но враг не отступал. Немецкие автоматчики, прикрываясь танками, продолжали идти напролом. Тогда Маркин, схватив гранату, пополз по направлению к ближайшему танку. Взметнулся огромный столб пламени и дыма. Танк завертелся, как ужаленный, а потом остановился и запылал огромным костром. Но в этот миг я увидела, как встал, а потом, схватившись за грудь, упал наш командир. Я метнулась к нему, но было уже поздно. Конец! Оттащив командира в одну из воронок, я прикрыла его лицо плащлаткой...

А бой продолжался. Наша пехота сосредоточивала силы для новой атаки высоты. Мы, сандружинницы, продолжали делать свое дело. И опять, когда мне казалось, что не дотащу раненого до укрытия, я снова услышала голос Тони Сорокиной.

— Давай, подружка, подсоблю...

Мы перевязывали бойцов, как кто-то наклонился над воронкой и крикнул: «Немцы окружают!»... Все раненые стали выползать из воронки. Только один лейтенант лежал недвижимо. Вместе с Тоней мы вынесли его и, помогая друг другу, стали ползти к своим. Мы уже были совсем недалеко от противотанкового рва, когда я почувствовала, что от усталости не могу двинуться.

— Передохни немного, — сказала мне Тоня, — я теперь одна справлюсь.

Она отползла несколько шагов, как вдруг откуда-то слева ударил фашистский автомат. Я с ужасом увидела, что Тонина каска застыла на месте. Собирая последние силы, я доползла до подруги. Лейтенант был еще жив, но Тоня не шелохнулась. Увидев на ее гимнастерке кровь, я закричала себя не помня:

— Ранена, ранена!

Я обнимала ее, звала по имени. Но Тоня не слышала моего крика, не чувствовала моих слез

на своем лице. Она была убита.

Вдруг опять раздались выстрелы, слышались шаги. Я вытаскала пистолет. Живой в плен не дамся. Сперва лейтенанта, потом себя!

Но это были наши. Лейтенанта положили на носилки, а Тоню бойцы понесли на руках. Когда принесли ее, один паренек упал перед Тоней на колени и зарыдал. И уже никто из солдат не прятал своих слез, видя это последнее прощание своего товарища с любимой девушкой.

Похоронили Тоню. Капитан Кириллов сказал на могиле гвардии рядовой Антонины Сорокиной несколько слов. Артиллеристы выдвинули орудие в сторону врага и в честь Тони дали по высоте двадцать боевых залпов, по числу ее лет...

А скольких имен мы еще не знаем... И разве не долг всех живых перед памятью своих павших товарищей вспомнить каждого, кто отдал жизнь в боях за Родину? Огромную ценность поэтому представляет каждое воспоминание очевидца и участника боев о героях войны, каждое документальное свидетельство воинской славы сибиряков.

Передо мной один из таких документов, бывший более 20 лет достоянием архива. Это письмо Новосибирскому обкому партии, написанное командиром 22-й гвардейской стрелковой дивизии сибиряков-добровольцев гвардии полковником Г. И. Панишевым и начальником политотдела дивизии гвардии подполковником А. С. Ширяевым 13 августа 1943 года, тотчас же после сражения под Гнездиловскими высотами.

Привожу некоторые выдержки из этого письма:

«В отдельных случаях траншеи переходили из рук в руки по несколько раз. Но собрав все свои силы, всю свою волю, гвардейцы-сибиряки изматывали и обескровливали врага, перемалывали его свежие силы, беспрестанно кидаящиеся не-

мецким командованием в бой, и закреплялись на отвоеванных рубежах...

Под нашим натиском пала высота 233,3, и оборона противника была прорвана на нашем участке фронта глубиной в 15 километров и шириной 4 километра. Дивизия заняла населенные пункты Гнездилово, Гнездилово-Южное, Слепцы, Оселье и крупную железнодорожную станцию Павлиново.

Яростно сопротивляясь, пытаясь сохранить за собой каждый метр своих позиций, предпринимая многочисленные контратаки с авиацией, танками, в том числе «тиграми» и самоходными орудиями «фердинанд», немцы под напором гвардейцев вынуждены были отступить, неся огромные потери. Одна только наша дивизия перемолола 267-ю, 268-ю, 260-ю пехотные дивизии противника... Немцы вынуждены были подбрасывать свежие дивизии, в том числе 262-ю с Брянского фронта и тоже понесшую громадные потери.

За время боев потери немцев на нашем участке фронта составляют до 15 тысяч человек...

Бойцы и командиры нашей дивизии выдержали экзамен, оправдали звание гвардейцев... Сибиряки показали много примеров высокого наступательного порыва, воинского умения, мужества и отваги.

...Несокрушимая воля сибиряков-гвардейцев ярко проявилась в беззаветном мужестве артиллеристов батареи противотанковых пушек, которой командует младший лейтенант Петр Тараненко. В дистанции 50 метров артиллеристы били картечью по немецким траншеям. А когда гвардейцы ворвались в траншею, Петр Тараненко приказал стрелять из пушек по убегающим немцам. В это время три немецких танка, два самоходных орудия и рота автоматчиков бросились в контратаку. Первым открыл огонь расчет гвардии сержанта Василия Зайцева. Один вражеский танк сразу задымился. Замковый гвардии ефрейтор Емельянов упал, сраженный осколком вражеского сна-

ряда. Тогда санитарка Тася Иноземцева кинулась к пушке и заменила замкового. Пушка вновь открыла огонь. Второй немецкий танк бросился на пушку Ивана Чемизова. Расчет соседней пушки гвардии сержанта Бориса Левянта воспользовался тем, что танк повернулся к нему боком, и подбил его. Третий фашистский танк развернулся на эту пушку, но подставил свой борт под пушку Чемизова и тоже был подбит. Так, помогая друг другу, гвардейцы уничтожили все три немецких танка и самоходные орудия, а пехота разгромила вражеских автоматчиков.

...Гвардии капитан Н. Федоров сам подымал в атаку пехоту, сам вел ее на штурм вражеских позиций... В бою за высоту он руководил огнем батарей... Когда вышел из строя командир стрелкового подразделения, Федоров под губительным огнем противника привел в готовность боевые порядки стрелков, поднял их в атаку и, ворвавшись в немецкие траншеи, выбил из них немцев. Смертью героя пал в этом бою офицер-гвардеец.

В одном бою... осколком бомбы оторвало кисть правой руки связисту гвардии красноармейцу 65-го гвардейского стрелкового полка Владимиру Филиппову. Но мужественный связист не покинул своего поста... В течение 15 минут дежурил у телефона Филиппов. Санитарка бинтовала его искалеченную руку, он левой рукой держал телефонную трубку, отвечал на каждый вызов, пока не подошли товарищи и не сменили его.

Эти подвиги, — говорится в заключение письма, — должны быть увековечены в памяти трудящихся. Просим обсудить вопрос о сооружении на Центральной площади города Новосибирска монумента из сибирского мрамора, на котором высечь имена сынов Сибири, павших в боях под городом Белым и здесь, в боеукрепленных районах Гнездиловских высот у станции Павлиново».

НА ЛАТВИЙСКОЙ ЗЕМЛЕ

В окне вагона мелькают маленькие чистенькие станции с необычными названиями: Бауске, Краслав, Резекне...

Латвия. Вот ее холмистые долины, дубовые рощи, темные зубчатые ели. В осенний пейзаж красиво вписываются островерхие красные черепичные крыши. У них тоже своеобразный рисунок. Плавно изгибаясь, крыши расширяются книзу и от этого домики из светло-серого камня напоминают средневековых дам в пышных юбках, присевших в чинном реверансе.

Нам повезло. Капризный прибалтийский сентябрь встретил нас удивительно солнечным погожим днем.

В червонном золоте осени Рига прекрасна! На несколько километров протянулась ее главная магистраль — улица Ленина. Гостиницы, театры, музеи, магазины, легкие конструкции современных зданий из стекла и железобетона... Все это выглядит особенно красочно, ярко на фоне высоких старинных башен и замков, густо увитых плющом.

Один шаг в сторону — и многолюдье большого города мгновенно сменяется тишиной тенистых аллей, удивительных, сказочных по красоте парков с каналами, мостиками, фонтанами, скульптурами.

От центра города к берегам Даугавы ручейками стекают узкие улочки и переулки Старой Риги. Всего пять минут ходьбы от гостиницы «Рига» — и из двадцатого века попадаешь в пятнадцатый. И он, этот давний век, смотрит на тебя мелкими решетками узких, как амбразуры, окон, толстостенными, похожими на крепость, домами, дубовыми ставнями, сводчатыми порталами, глубокими, напоминающими туннели, воротами... А над всей Ригой главенствует зеленый купол вступивший в свое семисотлетие Домской церкви, где сейчас

концертный зал симфонической музыки. Домский купол так же неотделим от панорамы красавицы-Риги, как зубчатый силуэт Спасской башни Кремля от Москвы или громада Исаакия — от Ленинграда.

Памятники древней архитектуры в районе Старой Риги бережно охраняются. Между башенок, черепичных крыш и высоких труб над ними нет-нет да и увидишь ажурную стрелу башенного крана: где-то ведутся реставрационные работы.

В дни, когда мы были в Риге, столица Латвии готовилась к знаменательной дате — двадцатилетию со дня освобождения от немецко-фашистской оккупации. Всюду проходили экскурсии, встречи с участниками боев за освобождение города и республики. Мы видели настоящее паломничество на братские могилы героев, в музеи, в места бывших концентрационных лагерей.

В Государственном музее революции Латвийской ССР хранятся документы, рассказывающие о борьбе латышского народа с немецко-фашистскими захватчиками, о том, какую помощь оказали ему в этой борьбе все советские люди. Достойный вклад в дело освобождения Латвии и ее столицы внесли и сибиряки.

Труден был многомесячный боевой путь правофлангового в 10-й армии Сибирского корпуса по занятой врагом Прибалтике. Перед ним лежали непроходимые леса и болота Лубанской низменности. Все имеющиеся здесь дороги гитлеровцы превратили в заминированные рубежи обороны. Кроме того, на пути наших воинов встали искусственные лесные завалы.

Но сибиряки прошли там, где никогда и никакой армии за всю историю войн не было прохода! Тогда немцы зажгли леса...

Форсируя многочисленные озера и реки Лубанской низменности, преодолевая болота, лесные завалы и минные поля, сибиряки во взаимодей-

ствии с другими войсками Советской Армии начали освобождать Прибалтику

Сверяя свой маршрут с журналом боевых действий дивизии, мы узнали многие подробности ратных подвигов наших земляков на пути к берегам голубой Даугавы.

По всему Прибалтийскому фронту прокатилась молва о подвиге гвардии старшего сержанта комсомольца Николая Сучатова. Фронтная газета «Боевое знамя» так писала о нем 30 сентября 1944 года.

«В самый ответственный момент за несколько минут до назначенного часа артподготовки отказала связь. Под огнем противника начал Сучатов поиски порыва. В это время его ранило в обе ноги, потом в руку. Но он все-таки полз, пытаясь найти повреждение. Истекая кровью, он нашел оба конца разъединившегося провода. Зубами сорвал с них изоляцию и зубами же срастил. Он продолжал держать связь, когда его ранило в бок. И только когда услышал, что командир передал самое желанное слово — «Огонь!», он потерял сознание».

Гвардии сержант пулеметчик Николай Коваленко в бою захватил две пушки, уложил двух немцев и семерых взял в плен. Он один держал рубеж против полсотни немцев. 19-летний комсомолец был награжден медалью «За отвагу» и орденом Красной Звезды.

Шорец Алексей Владимирович Адьяков был трижды ранен. В одном из боев он заменил вышедшего из строя командира и из своей снайперской винтовки уничтожил более ста вражеских солдат

Санинструктор Клавдия Рубцова, бывшая учительница из Кузедеевского района, за один день боя вынесла под пулями двадцать раненых. Она была награждена орденом.

Отличилась в боях и кемеровчанка санинструктор Тамара Степановна Аторина. Неся санитарную службу, она была еще и установщиком

минометов. До войны Т. С. Аторина работала в областной инфекционной больнице.

Привожу записи из журнала боевых действий:

«Немцы начали новое контрнаступление. Коваленко и Николаев сдерживали натиск врага. Разорвавшейся миной тяжело ранило Николаева (там и погиб). Коваленко остался один. От него зависела участь всей роты, сменявшей рубеж. Он должен был задержать и отразить натиск врагов. Но он был один, а их не меньше полсотни. Он взял у мертвого друга ручной пулемет с только что заряженным диском и две гранаты. Короткими очередями стрелял он из пулемета по немцам. Одного за другим поражал, сдерживая натиск, выигрывая время, необходимое роте для смены рубежа.

Но вот израсходован весь диск. Николай стал стрелять из автомата. Скошенные немцы падали. Израсходован и второй диск. Остались гранаты. Николай еще задержал немцев. Подошли части, и немцы покатали в лес. Убил 26 немцев, захватил два орудия и семь пулеметов. Ему 19 лет. Награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

Судьбы многих героев еще не известны до сих пор.

Имя гвардии старшего лейтенанта Д. А. Вербицкого встретилось нам однажды в архивах дивизии, относящихся к периоду штурма Гнездиловских высот. Мы узнали, что накануне одного из штурмов высоты 233,3 Д. А. Вербицкий, будучи командиром пулеметной роты, обратился в партийную организацию дивизии со следующим заявлением: «Прошу принять меня кандидатом в члены великой партии Ленина. Заверяю парторганизацию, что я с честью буду выполнять Устав и Программу партии. Я не пожалею своей крови и самой жизни для достижения полной победы над заклятым врагом — фашизмом».

В бой Вербицкий пошел коммунистом. Его пу-

леметная рота истребила сотни врагов и обеспечила правому флангу полка успешный штурм и захват позиций противника. За этот бой командир был награжден орденом Красной Звезды.

Как сложилась дальше судьба гвардии старшего лейтенанта? Ни по журналу боевых действий, ни по другим документам проследить этого не удалось. И только здесь, в Латвии, нам довелось еще раз встретить имя Вербицкого, и вот при каких обстоятельствах...

В поисках могил сибиряков, павших в боях за Ригу, мы побывали в ряде городов Латвии — Добеле, Ауце, Салдусе. На братском кладбище в Ауце сотни надгробных плит. По имеющимся у нас сведениям, здесь похоронены гвардии майор командир 65-го гвардейского стрелкового полка Аникин и его адъютант гвардии лейтенант Сеница, командир первого дивизиона 48-го гвардейского артиллерийского полка Шамаро, командир первого батальона 65-го гвардейского стрелкового полка капитан Река.

Время сделало свое дело. На многих плитах надписи приходилось читать наощупь, выветрился камень, слова затянуло плотным мхом и многое невозможно разобрать. И вдруг на одной из плит читаем: «Вербицкий Д. А., гвардии майор 1919 г. рождения. Погиб 12 октября 1944 года».

Погиб за день до освобождения столицы Латвии от фашистских оккупантов. Он не увидел победы, ради которой прошел большой путь от Калининщины до Прибалтики, ради которой переплывал реки, преодолевал непроходимые болота Лубани, выходил из подожженных фашистами лесов, штурмовал ощеренные пасти железобетонных вражеских дотов... Ему было всего двадцать пять. Но это был уже проверенный и закаленный в боях военачальник, выросший от командира пулеметной роты до командира гвардейского батальона. Об этом думали мы, читая надпись на надгробной плите.

В ожесточенных боях на подступах к Риге сибиряки вновь показали свое воинское мастерство и беззаветное мужество. Одними из первых части Сибирского корпуса вошли в промышленный район Риги — Задвинье. В Государственном музее Латвии хранятся снимки, запечатлевшие радостные встречи населения латвийской столицы с сибиряками. Исстрадавшиеся в фашистской неволе люди со слезами радости обнимали своих русских братьев, вошедших в Ригу плечом к плечу с дивизией латышских стрелков.

В день освобождения Риги советские воины вспоминали своих павших товарищей, клялись до конца очистить советскую землю от фашистской нечисти, отомстить за чудовищные зверства, совершенные военными фашистскими преступниками на территории Латвии. Поправ все человеческие законы, гитлеровцы с изощренной жестокостью садистов уничтожали пленных и раненых советских воинов. В архивах 22-й гвардейской дивизии сибиряков-добровольцев имеется документ, свидетельствующий об одном из страшных преступлений фашистов. Привожу этот документ полностью:

«Политдонесение от 9 августа 1944 года в политотдел армии и корпуса о фактах издевательств немецко-фашистских солдат и офицеров над нашими ранеными бойцами.

С 5 августа на 6-е 1944 года 2-му батальону 65-го гвардейского стрелкового полка была поставлена задача выйти по лесу севернее Бобрени до высоты 102,6, овладеть ею и удерживать ее до прихода наших главных сил.

В ходе боя обстановка сложилась так: выйдя в тыл противника, батальон успешно выполнил боевое задание, овладел высотой 102,6, закрепил и удерживал высоту в ожидании подхода главных сил, действовавших с фронта. Но вследствие того, что части противника оказали сильное сопротивление,

главные силы не смогли пробиться к батальону, в связи с чем батальон, находясь на высоте 102,6, в тылу противника, вел жестокий бой с контратакующим врагом, зажавшим батальон с севера, запада и юга.

Бесперывные бои продолжались в течение ночи и дня 5—6 августа. Израсходовав весь запас боеприпасов, батальон вынужден был прорвать огненное кольцо противника, чтобы соединиться с основными частями. При выходе батальон захватил часть раненых бойцов и офицеров, а часть раненых лежавших на поле боя вынести не удалось.

Так в это время группа немецких автоматчиков, прорвавшихся в район 300 метров севернее высоты 102,6, преградила дорогу и доступ в этот район. При дальнейшем наступлении в этом районе и расследовании боя выяснилось: батальон 426-го пехотного полка 126-й пехотной дивизии противника, имея на вооружении артиллерийские минометы и значительное превосходство в людях, стремился окружить действующую группу 65-го гвардейского стрелкового полка в количестве 90 человек. Не сумев выполнить это, солдаты и офицеры свою злобу перенесли на раненых бойцов и командиров, оставшихся отрезанными на поле боя, совершив еще один акт расправы над воинами Советской Армии.

У раненого младшего сержанта Караулова Николая Алексеевича, рядового Корсакова Якова Петровича, у гвардии лейтенанта Кагановича и гвардии лейтенанта Космина Ивана Федосеевича вырезаны звезды, выкручены ноги и выбиты зубы. У гвардии лейтенанта Богданова Ефима Романовича выкололи глаза и нанесли раны. У санинструктора Сухановой Анны Алексеевны и у трех санитарок вырезаны груди, выкручены руки и нанесены ножевые удары по телу

Зверски замучены рядовой Егоров Федор Евдокимович, Сатыбашинов Хисан, старшина Афанасьев, рядовой Антоненко Александр Николаевич, рядовой Плотников Федор Михайлович»*

Пусть же этот документ будет еще одним обвинительным актом фашизму!

Накануне двадцатилетия со дня освобождения Риги мы видели ликующую Латвию, ее прекрасные, радующие глаз пейзажи, старинные города, людей, пользующихся всеми благами мирной жизни.

Но мы запомнили и другую — суровую Латвию военных лет. Она смотрит на нас величественными и скорбными памятниками павшим бойцам, она рассказывает о черных днях фашистской оккупации потрясающими документами и вещественными доказательствами, обвиняющими гитлеровских военных преступников. Это Латвия грозного народного мщения поработителям за кровь сотен и тысяч своих сынов и дочерей, погибших в лагерях смерти; Латвия, почитающая светлую память павших на ее земле русских братьев.

На границе Латвии и Белоруссии стоит обелиск из серого неотшлифованного гранита. Суровой простотой, величием и печалью веет от этого монумента, вставшего часовым у дороги.

«Бойцам и офицерам 43-й гвардейской латышской дивизии, павшим в боях за родину», написано на обелиске.

Как символ боевого побратимства двух народов — латышского и русского — две скрещенные солдатские винтовки.

На каменных надгробиях — латышские и русские имена.

Вот рядом похоронены русский офицер гвар-

* Копия этого документа хранится в Кемеровском областном музее.

дии капитан Александр Костин и латышский офицер гвардии лейтенант Роберт Калнинш. В один день — 14 января 1944 года за одно правое дело, за одну Родину, в одном бою погибли русский рядовой Владимир Косарев и латышский солдат Салнинш. Они воевали в одной дивизии и сейчас одна каменная плита укрывает их, как, может быть, укрывала когда-то одна шинель... Братская дружба двух народов, навеки скрепленная священной кровью их сыновей!

Чья-то мать, может быть, русская, может быть, латышская оставила на этой могиле знаки своей любви. Это не венок, не цветы, не траурная лента. Это мольба, исторгнутая из самого сердца:

Тише, ветви, не шумите,
Моего сыночка не будите...
Пусть он отдыхает
После дней тяжелых...

Просит мать, у которой теперь два сына — латыш и русский. И все склоняется здесь перед ее лаской, осенившей могилу двух бойцов.

Ничего и никого не забыть! Передать идущим за нами поколениям из рук в руки не только славу победы над фашизмом, но и всю глубину и горечь наших утрат, наших жертв, нашу любовь к героям и страшную правду фашистских фабрик смерти.

Гитлеровские оккупанты за время своего хозяйничанья в Латвии превратили эту страну в кровавый застенок. На территории Латвии насчитывалось двадцать три концентрационных лагеря, самым чудовищным из которых был Саласпилский лагерь уничтожения. Только здесь было загублено более ста тысяч мирных людей, в том числе десятки тысяч детей.

В материалах Нюрнбергского процесса над немецкими военными преступниками приводятся слова Гитлера, омерзительные своим откровенным цинизмом. «Мы должны, — наставлял Гитлер одного из своих подручных, — развить технику

обезлюживания. Если вы спросите меня, что я понимаю под обезлюживанием, я скажу, что имею в виду устранение целых расовых единиц. И это — то, что я намерен осуществить, это, грубо говоря, моя задача».

Людоедская программа гитлеризма осуществлялась фашистскими оккупантами с методической точностью и хладнокровием садистов.

В восемнадцати километрах от Риги на пустынном болоте, окруженном лесами, они воздвигли мрачные бараки и крематории, установили пулеметные вышки, обнесли огромную площадь в несколько десятков гектаров несколькими рядами колючей проволоки и загнали за нее тысячи узников, привезенных сюда не только с оккупированной территории СССР, но и из многих стран Западной Европы — Польши, Чехословакии, Австрии, Бельгии, Голландии...

В Государственном музее Латвии мы видели под стеклом кожаную плеть одного из палачей Саласпилса — коменданта лагеря Краузе. Этой плетью он до смерти забивал заключенных, истязал ею женщин и детей.

А вот жалкая одежда узников — какого-то немыслимого вида кофты, сплетенные из крашеного шпагата. Металлические и деревянные бирки с номерами, которые навешивали на людей, как на скот. Вот матерчатые желтые «звезды Давида», которыми клеймили евреев.

Все делалось в лагере с дьявольским расчетом унижить человеческое достоинство заключенных, низвести их до положения рабов.

Но люди оставались людьми. И даже в невыносимых условиях фашистского лагеря смерти они боролись, сопротивлялись, плачевались для отпора палачам.

Когда советские войска были уже недалеко от Риги, фашисты, пытаясь замести следы своих преступлений, сожгли лагерь, а большую часть узников вывезли в Германию. Но они не успели

раскопать все рвы и уничтожить десятки тысяч трупов замученных и убитых ими людей. И земля все рассказала о страшном злодеянии фашистских захватчиков. Пепел Саласпилса взывал к отмщению, и правда о лагере смерти стала известна всему миру. Факты о чудовищных преступлениях, совершенных немецкими фашистами в Латвии, были на Нюрнбергском процессе одной из тягчайших улик против военных преступников.

...По дороге к месту бывшего лагеря смерти мы повстречали направлявшихся туда же учащихся 36-й рижской восьмилетней школы. Их сопровождали две учительницы. Ребята прошли уже несколько километров и порядком устали. Мы пригласили их в свой автобус. Шум, гомон, смех не умолкали в машине ни на минуту. Нам показалось, что дети плохо себе представляют то место, куда они едут сейчас.

Не доезжая нескольких десятков метров до территории лагеря, автобус остановился. Это было сделано по общему молчаливому согласию.

Перед нами было не просто поле, а гигантская могила ста тысяч безвинно погибших людей.

Когда все вышли из машины, одна из учительниц — Ядвига Михайловна Неверовская вдруг сказала:

— Моя мама... была узницей... этого лагеря.

Она сказала это очень тихо, делая остановки между словами, словно поднималась в гору и ей трудно было дышать.

Ребята, ринувшиеся было к полю, остановились, подошли к учительнице ближе.

— Да, да, — продолжала она. — Мама и мой брат тоже. Он был коммунистом. Отсюда его увезли в Бухенвальд и там он погиб.

— А мама? — спросил кто-то.

Если бы не наши воины, — латышские и русские — освободившие Латвию, погибла бы и моя мама... А знаете ли вы, дети, что бывший ди-

ректор нашей школы товарищ Веверис несколько раз пытался бежать из Саласпилса? Но его ловили, пытали, и он только чудом остался жив!

Нет, этого дети тоже не знали. Они многого не знали. Они знали только, что здесь был лагерь. Но он был очень давно, когда они еще не родились на свет. А теперь вот они приехали сюда на экскурсию. И им очень весело, как может быть весело только таким здоровым, сытым и нарядным детям, какими они являются.

И тогда учительница рассказала им...

Медленно, медленно проходим мы остаток дороги и, наконец, ступаем на печальную землю Саласпилса. Пустынно и тихо вокруг. Перед нами расстилается огромное, сплошь заросшее вереском и мелким кустарником поле. Двадцать лет назад в центре поля стояла вышка с пулеметными гнездами. У подножия вышки был апель-плац — место, куда выгоняли заключенных на поверку. Тысячи людей и в мороз, и в дождь, и под палящими лучами солнца часами стояли здесь навзрыд.

Сейчас здесь только вереск и тишина.

Ежегодно бывшие узники лагеря проводят на Саласпилском поле митинг памяти погибших. Они идут сюда от самой Риги пешком. Идут по той же дороге скорби, которую сами когда-то строили через болото под ударами фашистских плетей. Бывшие узники несут венки из листьев дуба и плакаты, на которых всего три слова: «Этого забыть нельзя!»

Центральный Комитет Коммунистической партии Латвии и Совет Министров Латвийской ССР постановили навсегда сохранить память о замученных в Саласпилском концентрационном лагере жертвах фашистского террора.

На месте лагеря будет воздвигнут памятник, состоящий из ансамбля различных сооружений. Под полированной плитой из черного гранита будет храниться земля, перенесенная сюда из всех

концентрационных лагерей, понастроенных гитлеровцами в Латвии в годы оккупации. На месте барачков посадят розы и установят бетонные столбы с номерами барачков. В разных местах поля, словно из-под земли, поднимутся фигуры скорби, как вечное напоминание живым о том, чего никогда забыть нельзя, и что никогда не должно повториться...

Нет, недаром пролили свою кровь сибиряки на берегах голубой Даугавы, в лесах Калининщины, на холмах Смоленщины. Недаром прошли они через смерть и невзгоды войны. Детей России, Латвии, всей советской земли никогда не осквернят бирки с леденящей душу надписью: «Кинд онэ эльтерн», что значит — «ребенок без родителей».

Ради светлого мира, никогда не омраченного горем сиротства и неволи, побратались оружием солдаты разных народов.

Ради этого!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Нелидовская находка	7
Шрамы земли	13
Белый	15
Высота 212	21
Живет в деревне легенда...	26
Говорит фронт!	32
Строки политдонесений	42
Горсть кузбасской земли	46
Тайны Бельского леса	48
Великие Луки	53
Под городом Ельней	61
Рассказ старшины медицинской службы	68
На латвийской земле	74

Раиса Федоровна Лобанова

ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ

Редактор А. Могутова.

Художеств. редактор

О. Красова.

Техн. редактор Г. Рудина.

Корректор Е. Тимощук.

Сдано в набор 10/VI-1965 г.

Подписано к печати 3. XI-1965 г.

Формат 84×108¹/₃₂.

Печ. л. 4,59+8 вкл. Уч.-изд. л. 4,57

Авторских л. 3,67 ОП00058.

Тираж 7000. Заказ 5010. Цена 19 коп.

Кемеровское

книжное издательство.

Советский проспект, 94.

Типография «Кузбасс»,

Кемерово, Кузнецкая, 9.

Цена 19 коп.

КЕМЕРОВО 1965